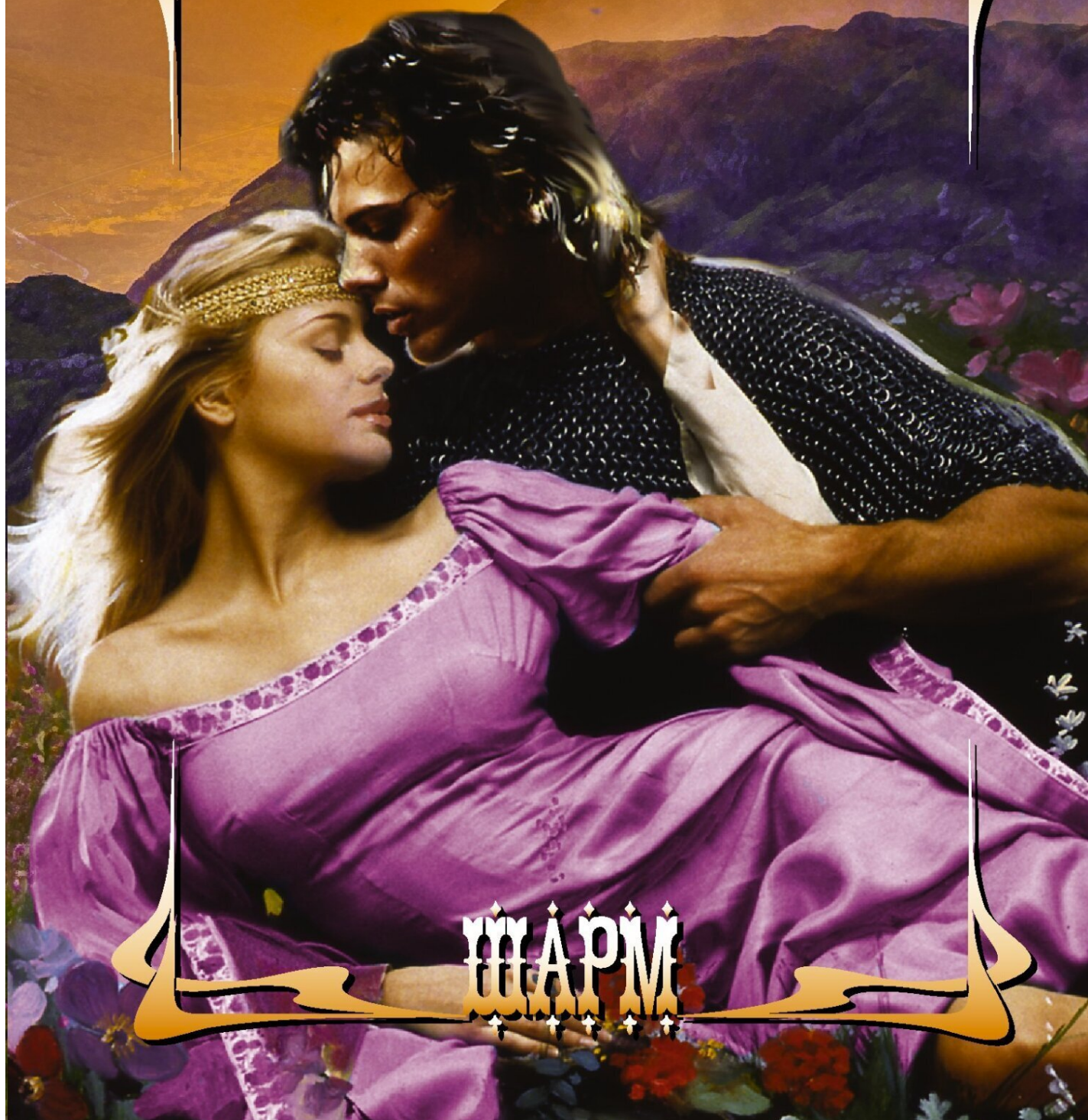

МОНИКА МАККАРТИ

Выше
только любовь

УЧАСТИЕ

Шарм (АСТ)

Моника Маккарти

Выше только любовь

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Маккарти М.

Выше только любовь / М. Маккарти — «Издательство АСТ»,
2015 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-136365-9

Томас Макгован полюбил Элизабет Дуглас еще мальчишкой, продолжает страстно любить и теперь, когда они стали взрослыми. Разумом он понимает, что сестра влиятельного лорда Шотландии никогда не сочтет себе ровней простого сына кузнеца, – но разве сердцу прикажешь? Теперь, когда Шотландия ведет отчаянную борьбу за независимость, Том пытается стать рыцарем и доказать любимой, что ради нее он готов на все. Едва не потеряв Тома, Элизабет осознает, что чувства к нему – не просто дружба. Том, рискуя всем, бросается в омут с головой. Но сможет ли Элизабет, невзирая на все преграды и различия между ними, полностью отдаться любви? Время покажет...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136365-9

© Маккарти М., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Моника Маккарти

Выше только любовь

Monica McCarty
THE ROCK

© Monica McCarty, 2015

© Перевод. Ильина Е.А., 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Предисловие

С 1306 года, когда он впервые заявил свои права, потеснив, казалось бы, непобедимого врага, Роберт Брюс¹ готовился к решающей битве с Англией, которая либо узаконит его власть и укрепит место на шотландском троне, либо сорвет корону с его головы и Англия вернет власть над Шотландией.

К концу осени 1313 года король Роберт чувствует себя достаточно уверенно и безопасно и подталкивает врага к вынужденным действиям. Он объявляет о том, что лишит наследства всех шотландских дворян, лояльных к англичанам, если они не присягнут ему на верность в течение года. Король Англии Эдуард II² не может оставить подобную угрозу без внимания. В декабре 1313 года он издает собственное обращение, в котором призывает своих сторонников собраться в Берике-апон-Туиде в июне 1314 года, чтобы двинуться на Шотландию.

Англичане собираются выступить в поход, и Брюс намерен к этому подготовиться. В решающие первые месяцы 1314 года король ведет упреждающие боевые действия, продолжая совершать набеги на Англию, чтобы накопить средства на ведение весьма затратной войны, и отвоевывает оставшиеся шотландские замки, все еще находящиеся во владении у англичан. Возвращение двух из этих замков – Эдинбурга и Роксбурга – станет настоящей легендой и сделает героями двух прославленных лейтенантов Брюса – Джеймса Дугласа и Томаса Рэндольфа.

Но они сделают это не одни. Элитный отряд Хайлендской гвардии и человек скромного происхождения станут решающей силой в последнем рывке перед наиболее важной битвой.

¹ Король Шотландии, один из величайших шотландских монархов, основатель королевской династии Брюсов. – *Здесь и далее прим. перев.*

² Король Англии, первый в истории принц Уэльский. Продолжил войну с Робертом Брюсом в Шотландии, начатую его отцом Эдуардом I.

Пролог

*Замок Дуглас, Южный Ланаркшир, Шотландия
1 июня 1296 года*

Томас Макгован – Крошка Том, как его все прозвали в деревне, а его отца называли Большим Томом – взглянул на вершину башни, и у него перехватило дыхание. Мальчик едва не споткнулся, что непременно обернулось бы настоящей катастрофой, поскольку отец поручил ему весьма ответственное задание – нести меч лорда. Отец потратил множество часов на то, чтобы заточить лезвие, придав мечу способность «рассекать волосок надвое», и отполировать его так, чтобы в нем могло «отразиться даже крошечное пятнышко сажи на лице его маленького сына». Так что урони Крошка Том меч в грязь – и его зад будет гореть целую неделю, ведь он непременно схлопочет от отца за свой промах.

Впрочем, Том не сильно возражал. Большой Том считался лучшим кузнецом в округе и за ее пределами, и посему Томми (как ласково называла мать своего сынишку, твердо уверенного в том, что мальчика почти девяти лет никак нельзя считать «крошкой») страшно гордился работой отца. Большой Том Макгован был не просто каким-то деревенским мастером, а личным кузнецом и оружейником самого лорда Уильяма Дугласа Смелого.³

Продолжая таращиться на крепостные стены, Томми уже готов был простить себя за собственную оплошность. Ибо нечто совершенно удивительное лишило его способности дышать и двигаться. Редкая изысканная красавица, какую мальчик, выросший в кузнице отца, среди жара и сажи, не мог себе и представить. Он словно впервые увидел бриллиант, затерявшийся среди многочисленных кусков руды, с которыми ему приходилось иметь дело с самого детства. Чтобы понять, что он увидел нечто совершенное, не нужно было знать имя незнакомки. Особенным было в ней все: и солнечный свет, играющий в развевающихся на ветру белокурых локонах, и белоснежное совершенство миниатюрного личика, и отливающая золотом ткань платья. Все это ослепляло его. *Она ослепляла его.*

– Это принцесса? – с благоговением спросил Томми, когда к нему вернулся дар речи.

Добродушно расхохотавшись, отец любовно хлопнул сынишку по затылку.

– Для тебя, пожалуй, дружок. Это дочурка его светлости леди Элизабет. Разве ты не помнишь? – Кузнец покачал головой. – Ты был слишком мал, когда семья его светлости переехала в замок Берик четыре года назад. Была совсем крохой. Но теперь, когда его светлость наконец освободили из тюрьмы короля Эдуарда... – кузнец сплюнул, как поступал всякий раз при упоминании английского короля, – она и ее братья вернулись вместе с отцом и леди Элеонорой в наши края.

Томми знал, что сэр Уильям исполнял обязанности хранителя замка Берик, когда король Эдуард напал на город и погибло несколько тысяч шотландцев. За попытку удержать оборону замка и оказать сопротивление король Эдуард бросил лорда за решетку, но потом освободил, когда того, равно как и остальных шотландских лордов, заставили поставить свои подписи в так называемых «Рагманских свитках»⁴, таким образом дав клятву верности королю Англии Эдуарду Длинноному.

При мысли о том, что столь прекрасное существо будет жить по соседству, глаза Томми округлились еще больше.

³ Шотландский военачальник.

⁴ Общее название для нескольких исторических документов, в которых шотландское дворянство приносило клятву королю Англии Эдуарду Длинноному в 1291 и 1296 годах.

Может, его отец и был самым крупным мужчиной в деревне, с твердыми, точно камень мускулами, зарабатывающим на жизнь ковкой стали, но ума ему было не занимать. Он продолжал улыбаться, однако его темно-голубые глаза предостерегающе прищурились.

– Держись от нее подальше, парень. Эта крошка не для таких, как ты. Хотя твоя матушка и дочь рыцаря, но ты – сын кузнеца, и благородства в тебе не больше, чем в крыше этой башни. Может, тебе и нравится лазить по скалам вокруг замка, но так высоко тебе все равно не забраться.

Кузнец рассмеялся собственной шутке и подтолкнул мальчика вперед.

Однако слова отца Томми не убедили. Ведь никто в округе не умел карабкаться по скалам и лазить по деревьям лучше его.

День летнего солнцестояния⁵

– Почему ты плачешь?

Девичий голос застал его врасплох. Томми поднял голову и отчаянно заморгал, заслонив глаза рукой от слепящих лучей солнца, выглянувшего из-за темных туч.

Перед ним стояла маленькая принцесса, которую он увидел в башне замка несколько недель назад. Леди Элизабет.

– Я не плачу! – Он зло потер глаза тыльной стороной ладони, и его лицо густо залилось краской стыда.

Она с минуту смотрела на него своими большими пронзительно-голубыми глазами. Присмотревшись ближе, Томми заметил, что ее черты оказались более совершенными, чем показалось на первый взгляд, а напоминающее форму сердца лицо – более изящным и очаровательным. Две толстые косы были уложены на голове девочки на манер короны и перевязаны розовыми лентами в тон платью. До этого момента Томми ни разу не видел платья такого цвета. Материал тоже был незнаком – не шершавый, как шерсть, а мягкий и поблескивающий в лучах солнца. Хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но его пальцы наверняка перепачканы сажей и пылью.

Мальчику больше никто не напоминал о том, что нужно вымыть руки.

Охватившая Томми печаль заставила его сурово сдвинуть брови в надежде, что это заставит девочку уйти. Да и какое ему дело до голубых глаз и розового платья, когда мамы нет и больше никогда не будет?

Усилием воли мальчик сдержал обжигающие глаза слезы. Еще ни разу в жизни он не испытывал подобного унижения. Девятилетние мальчики не плачут. А тот факт, что его застала за этим занятием девочка – да не кто-нибудь, а утонченная леди Элизабет, – заставлял его пожелать забраться под валун и умереть.

Однако девочка не обратила внимания на предостережение и опустилась на траву рядом с ним. Томми сидел на берегу извилистой реки, прокладывая себе путь через деревню довольно далеко – как ему казалось – от того места, где развернулись гуляния в честь Дня святого Иоанна Крестителя. Однако даже досюда доносились приглушенные звуки музыки и смеха.

– Почему рыба переплыла реку?

Мальчика настолько ошеломил вопрос, что у него не сразу нашелся ответ.

– Я не знаю.

Девочка улыбнулась, явив его взору широкую щель в том месте, где должны были находиться два передних зуба.

– Потому что не смогла добраться до моря.

⁵ 24 июня – один из главных праздников англиканской церкви.

Едва выговорив последнее слово, девочка принялась хихикать. Шутка не показалась Томми смешной, но он не смог не улыбнуться при виде того, насколько довольна собой его новая знакомая.

Когда хихиканье наконец стихло, они несколько минут сидели в удивительно умиротворяющей тишине. Томми почти ничего не знал о маленьких девочках, но ее молчание показалось ему необычным. Ведь младшие сестры его друзей постоянно донимали всех своей болтовней.

Поскольку было лето, Томми не надел ботинки и теперь водил голыми пятками по земле, пока они с Элизабет наблюдали за стремящимся вдаль потоком воды. Остановился он, лишь заметив, что девочка начала копировать его движения и изрядно запачкала нарядные кожаные туфельки.

– Сколько тебе лет? – спросил Томми.

– Шесть. А тебе?

Мальчик гордо выпятил грудь.

– Почти девять.

Девочка сморщила свой крошечный нос, и это показалось Томми очень милым.

– Когда день твоего святого? – спросила девочка.

– Двадцать третьего ноября.

Девочка улыбнулась, и Томми вновь смутился. Ведь до этого времени оставалось еще целых пять месяцев.

Элизабет некоторое время молчала, прежде чем спросить:

– Не любишь ярмарки?

Почувствовав, что она мягко пытается вытянуть из него информацию, Томми напрягся и недовольно поджал губы. Ему не хотелось это обсуждать. Он уже собирался прогнать девочку, не обращая внимания на ее высокое положение, и потребовать оставить его в покое, но потом взглянул в ее глаза, и гнев моментально испарился. Она не собиралась совать нос в чужие дела, а просто хотела быть любезной.

Томми поднял с земли небольшой плоский камень и бросил в реку. Камень подпрыгнул на поверхности дважды, прежде чем скрыться под толщей воды.

– Моя мама умерла в прошлое воскресенье.

Томми почувствовал на себе взгляд девочки, но не поднял глаз, не желая видеть написанной на ее лице жалости.

– Должно быть, ты очень по ней скучаешь.

Томми кивнул, и его горло снова сжала судорога боли. Он ужасно скучал по матери – красивой, улыбчивой женщине, беззаветно любившей мужа и сына. Но это вовсе не оправдывало его слез.

Должно быть, Элизабет догадалась, о чем он думает. Томми почувствовал легкое прикосновение к своей руке – словно села бабочка и расправила крылья, – и по его телу разлилось странное тепло. На мгновение это напомнило ему о том, как он чувствовал себя в объятиях матери.

– Я никогда не знала своей мамы, но все равно по ней скучаю.

Томми сдвинул брови.

– Ты не знала свою маму?

Девочка покачала головой, и льняные волосы разлились по ее плечам подобно вуали, сотканной из золотых и серебряных нитей.

– Она умерла, когда я появилась на свет.

– Моя мама тоже умерла во время родов. – Томми ненадолго замолчал. – Когда родился мой брат.

Должно быть, Элизабет услышала что-то в голосе мальчика.

– Но он не хотел сделать ей больно, – тихо произнесла она.

Томми ошеломленно втянул носом воздух. Осознав сказанное, он в ужасе посмотрел на девочку.

– Когда я была маленькой, мой брат тоже во всем винил меня. – Взгляд больших голубых глаз Элизабет, казалось, прожигал насквозь. – Но он меня простил.

– Нечего было прощать. Ведь ты ни в чем не виновата. – Томми ответил машинально, но лишь потом осознал, что именно так и думает. Элизабет не была виновата в смерти матери так же, как и не виноват его двухнедельный брат.

Кто-то окликнул Элизабет по имени, и она скорчила гримасу, вновь сморщив нос и недовольно надув губы.

– Нянька... Мне лучше вернуться. Было приятно познакомиться.

– Том, – закончил предложение мальчик. – Но все зовут меня Томми. – Почему-то для него стало очень важно, чтобы новая знакомая не воспринимала его как «маленького».

– А я Элизабет, – произнесла девочка. – Но ты можешь звать меня Эллой, раз уж мы стали добрыми друзьями.

Томми кивнул, постаравшись сдержать улыбку. Она была очень милой, конечно, но девятилетние мальчики не заводят дружбу с шестилетними девочками. Тем более с теми, которые выглядят как принцессы.

Элизабет вскочила столь поспешно, что непременно упала бы в грязь, если бы Томми не подхватил ее под руку.

– Осторожнее, – произнес он, – а не то упадешь и поранишься.

Элла рассмеялась так, словно услышала самую забавную на свете шутку, и побежала к своей няне.

Томми смотрел ей вслед и впервые с того момента, как убитый горем отец сообщил ему о смерти матери, почувствовал, что окутывающая его мрачная туча начала понемногу рассеиваться.

Один месяц спустя

Томми собирался сказать Джоанне, чтобы она поторопилась – уже в который раз, иначе они не успеют присоединиться к остальным, – как услышал знакомый голос:

– Привет, Томми.

Обернувшись, мальчик увидел стоящую рядом с ним леди Элизабет. Он заметил, как она прибыла в церковь с остальными членами своей семьи, включая темноволосого юношу, по всей видимости, его ровесника, с недовольным видом направляющегося к остальным.

– Привет, – неуверенно ответил Томми, поймав на себе недоуменные взгляды жителей деревни, явившихся в церковь на воскресную службу. Все они наверняка раздумывали о причине, заставившей маленькую леди заговорить с сыном кузнеца.

– Я Элла, – обратилась девочка к Джоанне, глядевшей на нее так же, как и Томми при первой их встрече.

– Дж... Дж... Джоанна Диксон, – вымолвила наконец Джоанна и, опомнившись, поспешно добавила: – Миледи.

– Ты дочка конюшего?

Джоанна молча кивнула.

Темноволосый мальчик с мрачным выражением лица остановился за спиной Элизабет.

– Что ты делаешь, Элла? Нельзя вот так убежать.

Элизабет вздохнула и попыталась закатить глаза, как взрослая дама.

– Это мой брат Джейми. – Она повернулась к мальчику, который был на дюйм или два выше Томми (при том, что сын кузнеца превосходил своих сверстников по росту и выглядел

как мальчики на два, а то и три года старше). – Я просто хотела поздороваться с Томми и... – она повернулась к новой знакомой, – Джоанной.

Томми перевел взгляд на Джо и озадаченно сдвинул брови. Да что с ней такое? Она тарасилась на юного лорда, словно увидела перед собой рыцаря из тех глупых баллад, которые постоянно пересказывала всем вокруг. Томми нахмурился еще больше, когда понял, что и юный лорд тарасится на Джо с глупым выражением лица.

Томми покровительственно загородил ее собой. Иногда Джоанна превращалась в настоящую головную боль. Как, например, сегодня. Ведь он как раз собирался пойти купаться с другими мальчиками, когда Джоанна в присутствии своей матери попросила сопроводить ее в церковь. И, поскольку его собственная мать умерла, а мама Джоанны была очень к нему добра, он не смог отказать.

Заметив это движение, Джейми нахмурился и повернулся к сестре.

– Как вы познакомились?

Томми заметно напрягся.

Но Элла посмотрела на него и улыбнулась.

– На ярмарке в прошлом месяце. Томми спас меня от падения в лужу.

Томми облегченно выдохнул, хотя даже не заметил, как затаил дыхание. Хуже того, что леди Элизабет застала его в слезах, может быть только ее рассказ об этом. Они понимающе переглянулись. Элла сохранила его секрет, и теперь между ними установилась прочная связь.

Покачивая головой, Джейми ласково взъерошил волосы сестры.

– Ничего нового, Элла. Тебе не следует так бегать и суетиться, иначе наступит день, когда рядом с тобой никого не окажется, чтобы помочь, и ты поранишься.

Теперь Томми понял, почему Элла рассмеялась в ответ на его предостережение. Очевидно, поскользнулась и оступалась она довольно часто.

Не обращая внимания на брата, она спросила:

– Куда вы направляетесь?

– К водопаду у озера Арнесаллох, чтобы искупаться с другими деревенскими мальчиками.

– Я попросила его взять меня с собой, – вступила в разговор Джоанна.

– Джейми собирался научить меня ездить верхом на моем новом пони, – сообщила Элла.

Мальчики с сочувствием переглянулись. Очевидно, Томми был не единственным, кому приходилось присматривать за младшей сестрой, ну или в его случае – почти сестрой. Он знал Джо, сколько себя помнил, и поскольку она ему постоянно докучала, он уже давно понял, каково это – иметь сестру.

– Хотите пойти с нами? – спросила Элла. – Вы можете взять своих лошадей, и тогда мы покатаемся вместе.

Повисла неловкая пауза, которую прервала Джо:

– У нас нет лошадей. И мы с Томми не умеем ездить верхом.

На лице Эллы отразилась растерянность.

– У вас нет лошадей? – Она с укоризной посмотрела на брата. – Но ведь ты говорил, что все рыцари должны уметь ездить верхом.

Джейми покачал головой.

– Верно. Но Томми станет не рыцарем, а кузнецом, как и его отец.

Томми удивился тому, что юный лорд знал, кто он такой.

– То есть, ты хочешь сказать, тебе не нужно целыми днями напролет упражняться с деревянными мечами, как это делает Джейми?

Том покачал головой.

– Иногда я наблюдаю за тем, как с ними работает мой отец. Только не с деревянными, а со стальными, – пояснил Томми.

– У меня тоже скоро появится настоящий меч, – хвастливо произнес Джейми, бросив взгляд на Джоанну.

– Может, ты выкуешь для него меч? – спросила у Томми Элла.

Но Томми лишь пожал плечами, не желая признаваться в том, что пока лишь таскает уголь да раздувает мехи.

– Может быть. – Он взял Джоанну за руку, понимая, что ему придется ее тащить. – Идем, Джо. Нам, пожалуй, пора.

Однако девочка не сдвинулась с места и, прежде чем Томми успел ее остановить, спросила у юных Дугласов:

– Хотите пойти с нами?

– Конечно. – Элла ответила так поспешно, что Томми понял: она ждала приглашения. Девочка повернулась к брату, явно не разделявшему ее энтузиазм. – Можем покататься верхом завтра, ведь сегодня так жарко. – Она снова переключила внимание на Джоанну. – Я не умею плавать, а вот у Джейми очень хорошо получается.

– Плавать я тоже не умею, – ответила Джоанна.

– Я бы мог научить тебя, – произнес Джейми.

Услышав это, Элла посмотрела на брата так, словно у него вдруг выросла вторая голова.

– А почему, когда я тебя прошу, ты всегда отвечаешь, что девочкам ни к чему уметь плавать?

Томми с трудом удержался, чтобы не рассмеяться, увидев пунцовые щеки Джейми и выражение его лица, говорившего о том, что это он обсудит с Элизабет позже. Томми в очередной раз порадовался тому, что у него нет сестры.

Но девочки, казалось, не замечали смущения Джейми. Будучи на год старше Эллы, Джоанна уже отточила мастерство закатывания глаз, что и продемонстрировала всей компании.

– Томми отвечает то же самое, когда я прошу его научить меня лазить, – обратилась она к Элле. – Он забирается на скалы возле Сэндфорда вместе с другими деревенскими мальчишками. Но лишь ему одному удалось подняться на Утес Дьявола.

– Правда? – Глаза Эллы заметно округлились, как если бы она вдруг увидела перед собой героя из песни бродячего менестреля.

Может, иметь сестру было бы и неплохо – если Джо и дальше собирается отзываться о нем так же лестно.

Джо кивнула, а потом перевела взгляд на Джейми.

– Ты тоже умеешь лазить по скалам?

– Конечно, – ответил Джейми с таким видом, словно ответ был очевиден.

Томми оставалось лишь удивляться тому, что дорогой камзол мальчика не лопнул по швам – так горделиво он выпятил грудь.

Элла насмешливо посмотрела на брата и уже хотела что-то возразить, но Джейми не дал ей сказать ни слова.

– Так ты хочешь пойти или нет, Элла?

Издав возглас ликования, девочка взяла Джо за руку. Они направились прочь, будто знали друг друга целую вечность, не оставив Джейми возможности передумать.

Переглянувшись, мальчики одновременно покачали головами, будто бы говоря: «Девочки», – и последовали за ними.

Случилось так, что к концу дня не только девочки стали закадычными подругами. Спустя пару часов мальчики резвились в ручье, в то время как Джо и Элла сидели на берегу, опустив ноги в воду, после чего один из деревенских мальчишек – сын коменданта замка Йен – предложил поиграть в прятки.

Окружавший ручей густой лес с его огромными развесистыми дубами, кудрявыми березами, ветвистыми кустами орешника, папоротником и мшистым подлеском представлял собой идеальное место для этой игры. Если весна выдавалась теплой, землю покрывал ковер из волшебных цветов. Голубовато-лиловых соцветий в форме колокольчиков, которые так любила мама Томми. Он уже не раз играл в эту игру и теперь объяснил ее правила Джейми. Все мальчики, за исключением одного, должны спрятаться. А тот, кто не спрятался – водящий – должен закрыть глаза, сосчитать до ста и только потом начать искать остальных. Спрятавшиеся же мальчики не должны были шевелиться до тех пор, пока водящий не произнесет слово «сто».

Джейми, явно уверенный в собственных способностях следопыта, вызвался водить. Вот тогда-то у них начались проблемы, поскольку Элла, явно не привыкшая к тому, чтобы ее исключали из игры, возмутилась правилом, касающимся участия девочек. Хотя, по сути, до этого момента подобного правила не существовало ввиду его ненужности. Ведь все деревенские девочки давно уже уяснили, что мальчишки ни за что не примут их в игру.

– Но это же несправедливо, – упорствовала Элла, на ангельском лице которой внезапно возникло выражение ослиного упрямства. – Я самая маленькая и смогу спрятаться лучше всех.

Мальчики недоуменно переглянулись, а потом посмотрели на Эллу так, словно она вдруг сошла с ума. Ведь всем известно, что девочки не могут быть лучше мальчиков. Остальные мальчишки смотрели на Джейми, ожидая от него каких-то действий. Обычно все решения принимал Томми, но в сложившихся обстоятельствах он был рад передать свои полномочия кому-то другому.

Джейми попытался образумить сестру, но когда это не сработало, сердито заявил, что таковы правила, и если она не желает их соблюдать, они немедленно отправятся домой.

Эти слова брата сразу же охладили пыл Эллы. Она закрыла рот, поджала губы так, словно у нее во рту вдруг оказался ломтик лимона, и зло опустила на камень, скрестив на груди маленькие изящные ручки. Судя по всему, упрямства этой малышке было не занимать.

На лицах мальчиков отразилось облегчение, а Джейми принял такой вид, словно по-другому и быть не могло, хотя Томми показалось, что юный лорд тоже вздохнул с облегчением.

Джо, которая обычно вела себя очень разумно, внезапно встала на сторону своей новой подруги и, разочарованно взглянув на Джейми, чья звезда для нее, очевидно, померкла, уселась на камень, рядом с Эллой.

Именно это они и должны были делать – сидеть и ждать. Однако, когда мальчики пришли за ними после окончания игры, в которой, к слову сказать, Джейми и впрямь проявил недюжинные способности следопыта, девочек и след простыл. Судя по всему, Томми не ошибся, и Элла действительно оказалась упрямой и своевольной.

Поначалу мальчики испытывали лишь раздражение, но потом забеспокоились. Их приятели уже ушли по домам, поэтому Джейми и Томми разделились и отправились на поиски, выкрикивая угрозы.

Томми нашел Джо через несколько минут. Она выбрала отличное укрытие – поваленное дерево, укутанное плотным покрывалом из мха. Однако не позаботилась о том, чтобы как следует спрятать юбку.

Но на поиски Эллы потребовалось гораздо больше времени. А точнее, мальчикам никак не удавалось ее отыскать. Наконец Джейми пришла в голову отличная идея признать ее победу, и когда он закричал, что Элла может выходить, в ответ раздался тихий возглас.

Томми определил, откуда именно доносится крик, и сердце его упало. В груди мгновенно поселился ужас.

Сумерки быстро сгущались, но, подняв голову, мальчик сумел разглядеть Эллу, сидящую на одной из ветвей огромного раскидистого дуба в пятнадцати футах над землей. Господь милосердный! И как ее угораздило забраться на такую высоту?

При мысли о том, что может произойти, если Элла вдруг упадет, желудок мальчика болезненно сжался, будто он только что выпил стакан прокисшего молока.

– Господи, Элла, что ты там делаешь? – спросил Джейми. – Слезай, пока не свернула шею.

Томми показалось, что девочка всхлипнула.

– Не могу. Я застряла.

– Что значит застряла? – переспросил Джейми. – Просто спустишь тем же путем, каким залезала.

– Я не помню, как залезла.

Элла заплакала, и Томми не выдержал.

– Я ее сниму, – сказал он.

Джейми покачал головой.

– Это сделаю я. Она моя сестра. – Судя по голосу, в настоящий момент это обстоятельство его не слишком радовало.

На лице Джо отразился ужас.

– Ты уверен? Темнеет... И Томми лучший скалолаз в деревне.

Томми поморщился. Он был достаточно взрослым и гордым, чтобы понять: теперь Джейми ни за что не отступит. Ведь Джо, сама того не желая, бросила ему вызов. Джейми – юный лорд, и он ни за что не допустит, чтобы его превзошел простой деревенский мальчишка, особенно перед девочкой, на которую он хотел произвести впечатление.

Джейми снял с себя бархатный камзол и начал карабкаться по дереву. Затаив дыхание, Томми и Джо наблюдали за тем, как он прокладывает себе путь по нижним ветвям дуба. В густой кроне дерева было так темно, что Томми с трудом разглядел, как Джейми посмотрел вниз и замер примерно на полпути.

– Что случилось? – спросила Джоанна, ее глаза округлились и наполнились тревогой. – Почему он остановился? Почему не двигается?

– Не знаю, – солгал Томми. Он не стал говорить подруге, что Джейми, вероятно, посмотрел вниз и испугался. Мальчишкам не нравится, когда девочки знают такие вещи. Сбросив с плеч собственную куртку, сшитую из грубой шерсти, Томми полез на дерево.

Сначала он добрался до очень бледного Джейми, сидевшего на ветке, и так сильно сжимавшего губы, что от них отлила кровь. Он словно замер на одном месте. Некоторые не переносят высоты. И, должно быть, будущий лорд Дуглас оказался одним из таких людей.

Элла все еще находилась на небольшом расстоянии от них, но, заметив, что брат остановился, начала спрашивать, в чем дело и почему он не двигается. Молчание Джейми несказанно ее расстроило.

– С ним все в порядке, – крикнул в ответ Томми. – Просто зацепился за ветку.

Джейми поднял глаза, и Томми увидел, как страх борется в его душе с гордостью.

– Мне стоило предупредить тебя, чтобы ты не смотрел вниз, – сказал Томми. – Готов поспорить, ты еще никогда не залезал так высоко.

Джейми нашел в себе силы покачать головой.

– В следующий раз будем забираться наверх медленно, чтобы ты успел привыкнуть к высоте.

Джейми попытался усмехнуться, и Томми понял, что тот еще не скоро решится подойти к дереву.

– Что там у вас происходит? – крикнула Джо снизу.

Судя по всему, голос девочки вывел Джейми из оцепенения. Его страх отчасти рассеялся, и он напряженно посмотрел на Томми, как если бы ожидал, что тот попытается его унижить.

– Ничего, – ответил Томми. – Его рубашка зацепилась за ветку. Только и всего.

Джейми заметно расслабился. Он благодарно кивнул, и Томми понял, что второй раз за день крепкие узы связали его с этим человеком. Так всегда бывает, если делишь один секрет на двоих.

Ему удалось уговорить Джейми спуститься ниже на несколько веток, предварительно посоветовав повернуться лицом к стволу и медленно опустить ноги.

Когда Джейми спустился достаточно низко для того, чтобы спрыгнуть на землю, Томми вновь вскарабкался на дерево туда, где сидела Элла.

– Ты в порядке? – спросил он.

Девочка кивнула. Томми видел, что она напугана, но, как и брат, старалась этого не показывать. Томми больше беспокоили ее подозрительно поблескивающие глаза и дрожащая нижняя губа. Проклятье, только бы она не расплакалась!

– Какую шутку ты рассказала мне в прошлый раз? Про рыбу и реку?

В уголках губ девочки зародилась улыбка.

– Ты имеешь в виду историю про берег?

Томми кивнул.

– Знаешь какие-нибудь еще?

Дрожь прошла – благодарение Богу, – уступив место широкой улыбке.

– Хочешь сказать, тебе нравятся смешные истории? Джейми не разрешает мне их рассказывать. Он говорит, что они глупые и детские.

Наклонившись, Томми понизил голос, хотя в этом и не было необходимости.

– Можешь рассказывать их мне. Я не возражаю. Но сначала мне нужно, чтобы ты подвинулась чуть ближе. Тогда я смогу помочь тебе слезть с ветки.

Девочка без раздумий сделала то, о чем ее просили, однако подол ее платья зацепился за сучок. Девочка потянулась, чтобы его отцепить, перенесла вес тела на тонкую часть ветки. Томми попытался ее предостеречь, но было слишком поздно.

Ветка не сломалась, но треск и неожиданное движение напугали Эллу, и она потеряла равновесие.

Сердце Томми подскочило и застряло где-то в горле. Должно быть, он что-то прокричал, но внятно получилось лишь слово «нет!».

Все произошло так быстро, но Томми видел это словно в замедленном темпе. Элла запрокинулась назад, и Томми рванулся к ней. Каким-то образом ему удалось одновременно поймать Эллу за талию одной рукой и ухватиться за ветку над головой другой. Но теперь за него цеплялась перепуганная плачущая девочка, и он понял, что не сможет удержаться на весьма ненадежно раскачивающейся ветке.

На одно леденящее душу мгновение Томми показалось, что они рухнут на землю. Однако он вцепился в кору с такой силой, что руку обожгло огнем, и уже совсем скоро ему удалось сохранить равновесие.

Томми чувствовал отчаянное биение сердца девочки, пока пытался унять свое собственное.

Элла, не мигая, смотрела на него. Томми еще ни разу в жизни не находился в такой близости от девочки. Неужели все они пахнут чистотой и свежестью, точно полевые цветы после весеннего дождя?

Должно быть, Джейми и Джо увидели все снизу, потому что Томми услышал их крики.

– Мы в порядке, – крикнул он в ответ гораздо спокойнее, чем чувствовал на самом деле. – Элла будет крепко за меня держаться, и мы спустимся вниз через минуту. – Повернувшись к девочке, он спросил: – Ты сможешь это сделать?

Элла молча кивнула, все еще слишком ошеломленная, чтобы говорить.

– Хорошо. Нужно, чтобы ты крепко держала меня за шею и обхватила ногами мою талию, чтобы я мог освободить руки.

В глазах девочки промелькнула неуверенность, но потом ее лицо просияло.

– Папа иногда носит меня на спине.

Томми улыбнулся. Отец тоже носил его на спине, когда он был совсем маленьким.

– Да, только ты будешь находиться спереди, а не сзади.

Девочка, точно кошка, вцепилась в бок Томми, и крепко держалась за него, пока он помогал ей устроиться впереди себя.

– Ты сильный, – произнесла девочка. – Джейми говорит, что я слишком большая, чтобы носить меня на руках.

Томми думал точно так же, несмотря на то, что ему каждое утро приходилось таскать в кузницу тяжелейшие мешки с углем, однако горящий восхищением взгляд Эллы придавал ему сил.

– Такая маленькая девочка, как ты, не тяжелее молота моего отца. А теперь расскажи-ка, что это за веселые истории, о которых ты мне говорила.

В течение нескольких следующих минут, пока Томми пробирался к земле по лабиринту покрытых мхом ветвей, на него обрушивался нескончаемый поток глупых шуток. Не все оказались смешными, но он не забывал посмеиваться в нужный момент.

Когда Томми наконец достиг последней ветки и спрыгнул на землю, каждый мускул его тела дрожал от изнеможения. И все же он осуществил задуманное и спас девочку.

– Это было весело! Можем проделать такое еще раз?

Джейми принялся кричать и браниться, совсем как отец Томми, когда обжег руку. А Томми в это время попытался не застонать в голос.

Он непроизвольно прижал девочку к себе от охватившего его чувства облегчения, а потом передал ее Джейми, не знавшему, как именно поступить – хорошенько встряхнуть сестру или крепко обнять.

Однако Элла продолжала держаться за Томми, а затем легонько поцеловала его в щеку и прошептала на ухо:

– Джейми ошибался. Ты настоящий рыцарь, и когда я стану постарше, мы непременно поженимся.

Подобное заявление ошеломило Томми, и он не знал, что ответить. Наверное, стоило рассмеяться. Слова Эллы показались ему такими же смешными, как некоторые из ее шуток. Ведь им всего девять и шесть лет. К тому же она живет в замке и носит на голове золотой ободок, в то время как Томми с отцом ютятся вместе со скотом в двухкомнатной хижине-мазанке с соломенной крышей, и у Томми нет даже крепкой пары обуви на зиму.

Он не рассмеялся, ощутив, как что-то сжалось у него в груди. Что-то похожее на стремление обладать тем, чего у него никогда не будет. И все же на короткое мгновение он позволил себе задуматься, возможно ли подобное в реальной жизни.

В последующие годы отец не раз втолковывал ему в голову мысль о том, что подобные мечты – ошибка. И все же Томми не забыл неосторожно брошенных маленькой принцессой слов, заставивших его почувствовать себя величайшим рыцарем в мире. Слов, сказанных мальчику, от рождения лишенному права мечтать.

Глава 1

Дуглас, Южный Ланаркшир, февраль 1311 года

Том, которого больше никто не называл Крошкой, ждал достаточно долго. Он в последний раз ударил молотом, прежде чем осторожно отложить в сторону раскаленное лезвие.

Отерев со лба пот и копать тыльной стороной ладони, он снял через голову защитный кожаный фартук и повесил его на крючок рядом с дверью.

– Ты куда? – спросил его отец, оторвавшись от собственного куса раскаленного металла, а точнее, изрядно помятого шлема. Носивший его англичанин наверняка мучается нечеловеческой головной болью. Если вообще все еще жив.

– Купаться на речку, – ответил Том.

Отец нахмурил брови, и мрачные черты его лица стали еще мрачнее из-за толстого слоя сажи, образовавшегося от постоянной работы у огня целый день. Каждый день. На протяжении сорока лет.

Хоть он уже и не был самым высоким мужчиной в деревне (Том обогнал своего отца по росту почти десять лет назад), никто не мог превзойти Большого Тома по силе. Однако его сын, упражнявшийся с тяжелым молотом каждый день, готов был лишиться отца и этого звания.

– До вечерней трапезы еще много времени, – заметил отец. – Капитану де Уилтону не терпится получить свой меч.

Том заскрежетал зубами. Несмотря на то что у жителей деревни Дуглас не было иного выхода, кроме как смириться с оккупацией их замка англичанами – ведь нынешний лорд Дуглас преследовался как «мятежник», – это вовсе не означало, что Том должен мгновенно выполнять их требования.

– Капитан может подождать, если хочет, чтобы работа была выполнена должным образом.

– А вот его серебро ждать не станет. Инструменты сами себя не купят.

Несмотря на то что в голосе отца не было осуждения, Том знал, о чем он думал. Они не испытывали бы столь острой нужды в деньгах, если б не упрямство Тома. Он сидел – или, если говорить точнее, спал – на достаточном количестве серебра, с помощью которого можно было не только заменить все инструменты в кузнице, но и расширить ее и, в случае необходимости, взять учеников. Но об этом мечтал его отец, а не сам Том. Мать оставила ему небольшое наследство, и Том не собирался расставаться с ним или возможностями, которые оно перед ним открывало.

Они вообще не нуждались бы в деньгах, если б нынешний лорд Дуглас не был так сильно занят, зарабатывая себе имя своими «черными» делами, и думал о тех, кто остался в замке и принял на себя удар английского возмездия. Том попытался справиться с волной горечи и гнева, зародившейся в его душе при мысли о бывшем друге, но это происходило так же машинально, как и взмахи молотом.

В последний раз, когда сэр Джеймс Дуглас Черный попытался прогнать англичан из своего замка – год назад, когда он заманил в засаду тогдашнего хранителя замка лорда Тирлуолла, но так и не смог его захватить, – оставшийся гарнизон отомстил жителям деревни за пособничество мятежникам.

– Война полезна для нашего дела, – любил говаривать отец Тома. Но не всегда было так. Большой Том Макгован никогда не скрывал своей преданности Дугласам и оплатил почти полностью разрушенной кузницей и потерей большей части самых дорогих инструментов, которые наверняка служили теперь какому-то англичанину в его кузнице.

К счастью, командир гарнизона, заменивший Тирлуолла, де Уилтон, оказался более справедливым человеком. Он не считал жителей деревни ответственными за деяния их мятежного лэрда. Он сам, равно как и его люди, был завсегдаем в заведении местного кузнеца, вернее

в его кузне, как бесхитростно гласила деревянная вывеска на двери. Большой Том не любил англичан, но с радостью брал их серебро, особенно по своим специальным английским расценкам.

– Я скоро его закончу, – пообещал Том. – А Джонни почти справился с кольчугой. Верно, приятель?

Его четырнадцатилетний брат кивнул.

– Еще несколько заклепок, и будет как новая. – Он улыбнулся, и его белоснежные зубы сверкнули на фоне покрытого сажей лица. – Даже лучше.

Том улыбнулся в ответ.

– Не сомневаюсь.

Джонни, в отличие от Тома, больше походил на отца своим спокойным и миролюбивым темпераментом, и обладал тем же интуитивным умением обращаться с железом, что и его старший брат. Большой Том любил говаривать, что его мальчишки рождены для того, чтобы стать кузнецами. От этих слов Джонни начинал сиять, точно медный грош, а Том морщился, словно кто-то спрятал под его пледом⁶ наждак, и тот натирал ему кожу. Интуитивные навыки, такие как понимание, когда именно необходимо вынуть металл из горна, где ударить по нему молотом и как сделать его достаточно крепким и в то же время не слишком хрупким, являющиеся предметом гордости отца, были подобны цепи, затянувшейся вокруг шеи Тома.

Все было бы гораздо проще, если бы он не обладал врожденным талантом кузнеца. Если бы сломал не одно лезвие, остудив металл слишком быстро, или ударил по нему не в том месте во времяковки. Если бы он был менее точен в деталях, не умел как следует приладить рукоятку, рассчитать температуру каления или высчитать пропорции...

Его отец никак не мог понять, почему человека, наделенного таким «талантом от Бога», как Том, не удовлетворяет его ремесло. Ведь не пользоваться подобными навыками просто грех.

А вот умения Джонни представляли собой проблему. Мальчик слишком хорошо управлялся с молотом, чтобы таскать уголь, раздувать мехи, и выполнять привычную работу подмастерья. В то время как Большой Том выполнял большую часть повседневной работы в кузнице – от починки чугунных форм до подковки лошадей, – Том занимался выковыванием мечей, с чем было весьма непросто справляться в одиночку. В результате отцу и сыну приходилось отказываться от другой работы. Большой Том хотел, чтобы Джонни работал в кузнице, а это означало, что им требуется помощник в подмастерья. И все же Том не мог заставить себя забыть о возможности изменить собственную судьбу. Ведь мать всегда хотела, чтобы у него был выбор.

Том распахнул дверь и – вот так ирония – закашлялся, вдохнув свежий воздух. Его легкие так привыкли к черному дыму и копоти, что на чистом воздухе он чувствовал себя неважно. Дни в это время становились все короче, и за окном уже сгущались сумерки. Но тумана не было. Значит, ночь выдастся звездной. На это Том и рассчитывал.

Он совсем не удивился, когда за его спиной открылась дверь.

– Сын, подожди.

Том развернулся и увидел фигуру, так похожую на его собственную, только состарившуюся под гнетом времени, тяжелого труда и горькой утраты. Он знал, что в городе у отца была женщина, с которой тот время от времени встречался, однако никто не смог заменить ему рано ушедшую из жизни жену. Том также никогда не слышал, чтобы отец жаловался или проклинал судьбу-злодейку. Как и все остальное, Большой Том принял смерть жены с беспрекословным стоическим смирением.

⁶ Национальная одежда шотландских горцев.

Том же никогда ничего не принимал беспрекословно. Это было его проклятием и источником постоянной неудовлетворенности. Иногда он завидовал отцу и брату. Ведь жизнь гораздо проще, когда не мучишь себя лишними вопросами. Когда не хочешь больше того, чем тебя так капризно одарила судьба.

Том поймал на себе обеспокоенный взгляд отца.

– Не уходи, сын.

– Я доделаю меч...

– Я знаю, что она вернулась.

Эти слова упали между ними тяжестью наковальни. Том заметно напрягся, а его губы сжались, сомкнулись, точно крепостные ворота, в предостережении о том, что за ними могут таиться драконы. Ему не хотелось обсуждать это с отцом. Никогда. Ведь по этому вопросу им никогда не сойтись во мнениях.

Однако его великана-отца не напугать грозными взглядами или драконами.

– Я знаю, что леди Элизабет вернулась и что ты хочешь попытаться с ней увидеться. Но не ходи к ней, Томми. Из этого не выйдет ничего хорошего. Оставь девушку в покое.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. – Отец никогда не понимал их отношений с Эллой или с Джейми, когда они еще были друзьями. С того самого момента, как Томми спас девочку, сняв ее с дерева, отец пытался расстроить его дружбу с Дугласами, предостерегая сына о том, чтобы он не слишком сближался с детьми господина. Но эти четверо были неразлучны до тех пор, пока Эллу не отослали во Францию, чтобы обезопасить на время войны. И пока Джейми не раскрыл тайну Тома. В один день он потерял и любимую, и друга.

Том попытался отвернуться, но отец крепко держал его за руку.

– Я знаю больше, чем ты думаешь. Знаю, что она вернулась почти две недели назад. Что остановилась в замке Парк со своей мачехой и младшими братьями. Я также знаю, что она могла бы встретиться с тобой, если б захотела, но почему-то этого не сделала. Я знаю, что ты любил ее с тех самых пор, как она была маленькой девочкой, только вот теперь она больше не та малышка, которую ты когда-то знал. А леди. Благородная. Сестра нашего лэрда. Она не для тебя. Так было всегда, и ты не в силах ничего изменить. Я бы хотел, чтобы все было иначе, но увы, я бессилен.

– Значит, я должен просто отступить? Принять все как есть? – Том стяхнул руку отца. – Но этого хочу не я, а... Ты.

Том осекся, прежде чем это слово сорвалось с его губ, но было поздно. Он увидел, как содрогнулось большое тело отца. Он был самым крепким и сильным мужчиной в деревне и пресек не одну драку в пивной, ибо не находилось глупца, способного ему противостоять. Но, несмотря на это, его больно ранили необдуманные слова сына.

– Прости, – произнес Том, проводя рукой по влажным от пота волосам. – Не слушай меня. Я не имею права вымещать свое дурное настроение на тебе. Я просто хочу, чтобы ты попытался понять.

– Я пытаюсь, Томми. Сильнее, чем ты думаешь. Однажды я был на твоем месте. Однако дочь рыцаря не идет ни в какое сравнение с дочерью одного из благороднейших шотландских лэрдов и сестрой одного из ближайших соратников Роберта Брюса. Девушка почти пять лет прожила во Франции. Неужели ты всерьез полагаешь, что она будет счастлива принять то, что ты можешь ей предложить?

Слова отца попали почти в цель, пробудив в душе Тома страхи, о которых он не решался сказать вслух.

– Элла не такая. Ты же ее знаешь.

Отец с грустью посмотрел на Тома.

– Я помню десятилетнюю болтушку, которую необходимо было силой прогнать из кузницы, чтобы ты мог поработать хоть немного. А еще я помню очаровательную девушку-под-

ростка, к которой ты тайком пробирался по ночам. – Он замолчал, заметив, как сильно ошеломили Тома его слова. – Да, я знал об этом. Так же как и о том, что, даже если попытаюсь тебя остановить, ты все равно найдешь способ ее увидеть. Девочка воспринимала тебя как брата, поэтому я и считал, что в вашей дружбе нет ничего дурного. Но я ошибался. Дугласы запудрили тебе мозги. Они заставили тебя думать, будто твоя жизнь недостаточно хороша. – Том хотел было возразить, но отец жестом заставил его замолчать. – Не словами, нет. Они ввели тебя в свой мир, к которому ты не принадлежишь. Даже денег твоей матери не будет достаточно для того, чтобы ты стал Дугласам ровней. Как бы ты ни пытался это сделать. У тебя божий дар, сынок. С твоим талантом ты сможешь стать оружейником короля. Так что не отмахивайся от него и не трать время понапрасну, гоняясь за глупой мечтой.

Том поджал губы. Его мечта не глупая. У них с Эллой особая связь.

Смирение. Судьба. Он не желал этого слышать.

– Чтобы я мог остаться здесь и исполнить твою мечту?

Однако Том пожалел о сказанном, едва только эти слова сорвались с его губ. Но слово не воробей.

Большой Том замолчал, а выражение его лица стало напоминать стальной клинок: слишком закаленный, чтобы быть прочным, и готовый расколоться в любую секунду. После паузы, исполненной боли, он сделал шаг назад.

– Наверное, ты прав. Я не имею права вмешиваться. Ты стал мужчиной. И в свои двадцать три года вполне можешь принимать решения самостоятельно. Не стану тебя удерживать, если захочешь уйти. Только убедись в том, что руководишься правильными причинами. Уходи потому, что тебе не нравится быть кузнецом, а не потому, что думаешь, будто это даст тебе возможность быть с леди Элизабет. – Большой Том замолчал и посмотрел сыну в глаза. – Я знаю о твоих чувствах к ней, сынок, но, если они взаимны, почему она до сих пор не пришла тебя повидать?

Хороший вопрос, и сегодня ночью Том получит на него ответ.

Забраться на старую каменную четырехугольную башню замка Парк оказалось сложнее, чем карабкаться по стенам Дугласа. А может, просто сказались отсутствие практики. Прошло почти пять лет с того момента, когда он последний раз пробирался в Дуглас, чтобы встретиться с Эллой.

Их встречи на крыше стали регулярными почти сразу после того, как его отец запретил Элле появляться в кузнице, куда она частенько заглядывала под любым благовидным предлогом, чтобы понаблюдать за работой Тома. Его отец прав. Девочка могла болтать часами. Но Том не возражал. Он слушал ее истории и глупые шутки, и даже уборка спорилась быстрее.

Зная, как Элла расстроена запретом, и скучая по ней больше, чем он ожидал, в одну из ночей Том решил ее удивить. Однажды Элла упомянула о том, что когда ей не спится, она выбирается на крышу, усаживается на зубчатую стену и смотрит на звезды. Тому пришлось вскарабкиваться на стену замка пять ночей подряд, и на шестую он наконец увидел Эллу.

Она была потрясена, взволнована и изумлена. Не только способностью Тома взобраться по стене замка, но и тем, как ловко ему удалось проскользнуть незамеченным мимо часовых. Это оказалось совсем не сложно, хотя Том не сказал ей об этом даже в то время, когда так жаждал ее восхищения. Люди не смотрят туда, откуда не ждут подвоха. От Тома потребовалось лишь понаблюдать за часовыми, понять их маршрут и держаться в тени. Сам замок, хоть и обнесенный крепостной стеной, представлял собой деревянную конструкцию, выступы которой Том использовал в качестве ступеней воображаемой лестницы.

В течение последующих лет несколько раз в месяц, когда ночь выдавалась безоблачной и звезды светили в полную силу, Том дожидался, пока замок заснет, и забирался на башню, где его уже поджидала Элла. Они разговаривали часами. Вернее, говорила в основном Элла. Лишь

временами Том показывал ей созвездия и рассказывал истории, услышанные им от матери, когда та была еще жива. Том не помнил, сколько именно раз повторял сказание о Персее и Андромеде, но девочке никогда не надоедало его слушать.

Именно в те ночи на башне их дружба переросла в нечто большее. Во всяком случае, для Тома. Эти встречи были их секретом, пока его не раскрыл Джейми незадолго до того, как присоединился к сторонникам Брюса. Том до сих пор не мог поверить, что все это время отец знал о его вылазках, но не произнес ни слова.

Мышцы Тома напряглись, когда он нащупал довольно глубокую выемку в каменной стене, за которую можно было уцепиться. Он убедился в том, что пальцы не соскользнут, прежде чем переставить ноги еще на пару дюймов выше. Вскоре ему удалось нащупать край зубчатого парапета и, подтянувшись, добраться до крыши.

Господи, это оказалось сложнее, чем он предполагал. Руки Тома горели от напряжения, когда он на мгновение остановился, чтобы оглядеться и перевести дух. Снизу все казалось простым. Однако на каменных стенах замка Парк было сложно отыскать выступы для рук и ног в отличие от деревянного корпуса замка Дуглас. Несмотря на то что башня была невысокой – всего тридцать футов, не больше, – Том мог бы вообще на нее не взобраться. На руку ему сыграло то обстоятельство, что башня оставалась заброшенной в течение нескольких лет, а посему известковая штукатурка, выравнивающая поверхность стены и защищавшая ее от непогоды, местами потрескалась и отвалилась.

Построенный церковью, замок Парк должен был выполнять роль сторожевой башни, однако несколько лет назад стал собственностью английского рыцаря, за которого леди Элеонора Дуглас вышла замуж после смерти своего супруга. Спустя два года после смерти матери Тома, Уильям Смелый закончил свои дни в Тауэре, куда был заключен за участие в очередном мятеже против короля Эдуарда. Тогда же Элла была вынуждена на два года покинуть Дуглас. Об этом тяжелом времени она не хотела вспоминать.

Поскольку землями Дугласов владели англичане и сэр Роберт Клиффорд, замок Парк служил домом для леди Элеоноры, недавно овдовевшей в третий раз, ее падчерицы Элизабет и двух сводных братьев девушки – Арчи и Хью.

Том еще раз огляделся по сторонам. Покатая крыша и окружающее ее зубчатое ограждение были пусты. Том попытался прогнать прочь разочарование. Еще слишком рано. Обычно Элла дожидалась, пока все в доме уснут, чтобы было проще пробраться на чердак, а оттуда – на крышу через небольшую дверцу.

Несмотря на то что ночь выдалась ясной, на улице было холодно, и Том мысленно поблагодарил себя за лишний плед, наскоро запрятанный в вещевой мешок. Он оказался прав, что захватил его. Небо было усыпано звездами. Их блеск вкупе с сиянием почти полной луны отбрасывал на тихую сельскую местность серебристый свет. Вокруг разливалось такое спокойствие, что было трудно поверить, что Шотландия вовлечена в затяжную кровопролитную войну.

Деревня Дуглас повидала на своем веку немало вооруженных столкновений, и Том знал: пока замком владеют англичане, мира не будет. Если Джеймсу Дугласу придется уничтожить целый город, он сделает это, чтобы освободить Дугласдейл от англичан в угоду Роберту Брюсу. Том тоже хотел, чтобы англичане покинули его родные места, однако месть Джеймса зашла слишком далеко. Его бывший друг изменился.

А Элла изменилась?

Тому не хотелось так думать, но почему тогда она не пришла его повидать? Когда она уезжала, Том был абсолютно уверен в том, что девушка начала испытывать к нему чувства. «Ты обвяжешь мою ленту вокруг руки, когда будешь выступать на турнире, Томми?» или: «Я знаю, что ты терпеть это не можешь, но как мы поедем во Францию, когда вырастем, если ты не учишь французский язык?» Элла думала о совместном будущем, а однажды, когда вывела

его из себя (что случалось довольно редко), даже заявила, что если бы он был ее мужем, она бросила бы ему в суп семена традесканции, известные своим слабительным эффектом. И если он еще раз повысит на нее голос, то она постарается и сделает так, чтобы его настроение стало очень дурным. Том тотчас же смягчился и, в который раз, был ею очарован. В душе маленькой принцессы бушевал настоящий огонь.

Если бы только Джейми не отослал ее во Францию, черт бы его побрал.

Время в ожидании тянулось бесконечно долго, и спустя несколько часов Том вынужден был признать, что Элла не придет. Он поднялся на ноги и начал убирать плед в мешок. Какой же он глупец. Отец прав. Пять лет – долгий срок. Она, наверное, забыла...

Дверь чердака распахнулась, и его сердце упало.

Том поднял глаза, когда Элла переступила через порог, и лунный свет, поймав ее в свои объятия, лишил его способности дышать.

Господи.

Пару недель назад он мельком видел Эллу, проезжавшую вместе со своей мачехой по деревне, и все же оказался не готов к зрелищу, что открылось его глазам. Длинные, отливающие серебром волны льняных волос ниспадали на плечи и спину, подобно шелковой вуали. Черты были утонченными и идеально располагались на овальном холсте ее белоснежного лица: алые губы, розовые щеки, изящно заостренный подбородок. Темные изогнутые брови и длинные пушистые ресницы обрамляли большие глаза необычного пронзительно-синего оттенка. Элла была одета в бледно-голубое домашнее платье с подкладкой из белого меха. Широкий золотой плетеный пояс подчеркивал стройность ее талии и мягкость округлых изгибов. От взгляда Тома не ускользнули роскошная упругая грудь, стройные бедра и длинные ноги.

Элла даже в детстве была настоящей красавицей. Но он привык к этой красоте и не думал о ней. Последний раз он видел Эллу, когда ей исполнилось шестнадцать лет, и в ней еще оставались черты той девочки, что повсюду ходила за ним и Джо по пятам. Но женщина перед ним не шла – она словно парила в воздухе и выглядела как необычное существо. Как фея из сказки или ледяная принцесса из сказаний викингов. Утонченная, изысканная и совершенно недосыгаемая. В ней не осталось ничего от прежней Эллы, образ которой он бережно хранил в памяти.

Том нечасто сомневался в себе, но сейчас произошло именно это.

И лишь увидев на ее запястье слегка видневшуюся из-под рукава тонкую полоску меди, он почувствовал, что уверенность понемногу возвращается к нему. Элла по-прежнему носила браслет, который он подарил ей перед отъездом. Она не забыла его.

Глава 2

Том был рад, что тень, отбрасываемая крышей, надежно скрыла его от взора Эллы и тем самым дала ему возможность оправиться от потрясения. И все же, когда он заговорил, его фраза прозвучала как вопрос:

– Элла?

Девушка обернулась, услышав его голос. На мгновение ледяное совершенство ее внешнего вида дало трещину, и Том увидел выражение лица, которое помнил с детства: широкую улыбку и искорки девичьего восторга, вспыхивавшие каждый раз, когда она смотрела на него.

– Томми! – воскликнула она. Это единственное слово было произнесено таким знакомым нежным голосом, исполненным счастья. Том испытал прилив облегчения, которое тотчас же испарилось, когда на лице девушки отразилось отчаяние. Она закусила губу. Том видел нечто подобное бесчисленное количество раз, но сегодня белоснежные зубки, впившиеся в нежную розовую кожу, означали нечто совсем другое, нежели прежде.

– Ты не должен здесь находиться.

Том вышел из тени.

– Почему?

Глаза девушки расширились, когда он двинулся ей навстречу.

– О господи, Томми, что с тобой случилось?

Молодой человек недоуменно сдвинул брови.

– Что ты имеешь в виду?

Элла сделала несколько шагов назад и нервно всплеснула руками.

– Ты... ты... – осуждающе пробормотала она. – Ты огромный! И такой же высокий, как твой отец.

– Выше, – заметил Том, останавливаясь перед Эллой и чувствуя себя конем на ярмарке, когда она оценивающим взглядом окинула его фигуру.

– А твои плечи... – Она осеклась, не в силах подобрать нужных слов. Девушка заглянула Тому в глаза. – Чем ты занимался все это время? Поднимал камни, по которым так любишь карабкаться?

Томми сдвинул брови, не зная, как реагировать на эти слова. А чего она ожидала? Что он останется все тем же нескладным юношей, каким он был на момент ее отъезда?

Внезапно он понял. Разве не такие же чувства он испытывал всего несколько минут назад при виде подруги детства?

Да, они изменились. Но лишь внешне, что, в общем-то, не имело никакого значения. Ибо внутри он остался прежним. А как насчет нее?

Уголки губ Тома еле заметно изогнулись.

– Я вырос, Эл. Я больше не тот восемнадцатилетний мальчишка.

Том хотел, чтобы она это поняла. Но судя по всему, ему не о чем было волноваться. Элла это заметила. И как ему показалось, это обстоятельство не слишком ее обрадовало.

– Ты же не думала, что до сих пор выгляжу по-прежнему? – спросил он.

Элла смотрела на него с таким же выражением лица, как и в ту ночь, когда он нечаянно испортил подготовленный ею рождественский подарок, явившись на крышу раньше обычного. Тогда она как раз готовила особый пикник, расставляя на плед любимые сладости Тома, свечи и напитки. Сладкое вино напоминало по вкусу сироп, но Том все же выпил стакан, чтобы не расстраивать Эллу.

Наконец складки на ее лбу разгладились, и она, взяв себя в руки, перестала нервничать.

– Именно поэтому тебе не стоит здесь находиться. Ведь мы уже не дети.

Что-то в голосе Эллы беспокоило Тома. Она будто пыталась установить между ними дистанцию и все забыть.

– И все же ты здесь, – произнес Том.

Элла посмотрела на него, не в силах отрицать очевидное.

– Почему ты не пришла меня повидать, Эл?

Простой вопрос, но девушка покраснела так, словно почувствовала свою вину. Она опустила глаза.

– Конечно же, я собиралась сделать это. Хотела увидеть тебя и Джо. Но дело в том, что с момента приезда я была очень занята. Замок в ужасном состоянии, а ты ведь знаешь мою мачеху.

Том и правда знал. Большую часть своей жизни леди Элеонора была богатой наследницей, и поэтому любила, чтобы ее окружало все только самое лучшее. Это проявилось еще сильнее в годы после смерти старого лорда, когда король Эдуард отобрал почти все, чем она владела, повесив ярлык жены предателя. Однако в отличие от остальных Дугласов, спустя несколько лет леди Элеоноре все же удалось успешно ходатайствовать о своем возвращении на прежнее место жительства. А вот Джейми, лишившийся возможности вернуть себе собственность и земли, пять лет назад отправился в Скун, чтобы поддержать Роберта Брюса на пути к коронации.

Однако, судя по тому, как Элла опускала глаза и не смотрела на Тома, дело было не только в желании леди Элеоноры привести замок в соответствие со своими высокими стандартами. Элла никогда не умела лгать.

– Я подумал, что ты, возможно, забыла о своем обещании, – тихо произнес Том, и отзвуки его низкого голоса растворились в темноте ночи.

Выступивший на щеках Эллы румянец говорил о том, что это не так. Воспоминание о том дне словно повисло в воздухе между ними. В тот день, когда Джейми рассказал сестре о том, что ее скоро отправят во Францию, Элла сбежала из замка и устремила в кузницу к Тому. Она расплакалась и была на грани истерики, бросилась ему на грудь и вцепилась в нее, как тогда, на дереве. Сквозь слезы Элла повторяла, что никуда не поедет.

Лишь ужас сказанных ею слов уберег Тома от позора. Близость тела Эллы пробудила в восемнадцатилетнем юноше чувства, которые он не мог контролировать. Ему стало тяжело дышать, а в кузнице сделалось так жарко, как никогда прежде. Сам же Том готов был взорваться от одного лишь прикосновения рук Эллы к его телу. Однако слова «не уеду» остудили его пыл.

В промежутках между всхлипываниями Элла поведала другу о том, что ее отсылают во Францию, чтобы защитить на время восстания Брюса. Ей не хотелось снова оставлять дом, друзей. Покидать Тома. Но Джейми, заручившегося поддержкой леди Элеоноры, невозможно было переубедить.

После ссоры с Джейми, произошедшей накануне, Том не удивился подобному повороту событий. Его ошеломила лишь поспешность, с которой бывший друг принял решение. Джейми не желал рисковать, позволив расцвести пышным цветом отношениям, зарождающимся между Томом и его сестрой. Станным образом это согрело Тому душу. Значит, Джейми тоже это заметил.

Зная, что ничего не может поделать, Том лишь сжимал Эллу в своих объятиях и гладил по волосам в попытке успокоить, в то время как его сердце разрывалось на части. Вот уже, наверное, в сотый раз он запрещал себе прикасаться к ней, прижиматься к ее губам своими, в то время как она смотрела на него полными слез глазами и заставляла дать обещание, что он никогда ее не забудет. Что останется здесь после ее отъезда, и когда она вернется, все будет по-прежнему. Элла знала о деньгах, оставленных Тому матерью, и боялась, что он совершит нечто «глупое» вроде побега на войну, где и будет убит.

Том дал подруге слово, а она в свою очередь пообещала, что вернется, как только сможет. И тогда он возьмет ее и Джо на утесы Крейгнета, чтобы взглянуть на пещеру. К этому моменту

Элла немного успокоилась и даже пошутила, что Том, возможно, преодолеет свою неприязнь к лошадям, и они смогут поехать к пещере верхом. Том добродушно заворчал в ответ, поскольку уже привык к шуткам подруги относительно его неприязни к «дьявольским животным». Его чувство, казалось, было взаимным.

Тогда Том и предположить не мог, что их разлука продлится целых пять лет.

Элла покачала головой, и на ее нежных алых губах заиграла задумчивая улыбка.

– Я ничего не забыла. Просто прошло слишком много времени. К тому же я сомневалась, что ты помнишь о наших обещаниях. – Она искоса посмотрела на Тома из-под пушистых ресниц, и ее улыбка стала дразнящей. – Я подумала, что ты, возможно, уже женился и обзавелся парочкой ребятишек.

Эти беззаботные слова с болью пронзили грудь Тома.

– Как ты могла подумать такое?

Идеально очерченные брови девушки сошлись на переносице.

– Тебе двадцать три года. Поэтому логично было предположить, что одна из деревенских девушек, все время пытавшихся привлечь твоё внимание, наконец добилась своего. – Она громко рассмеялась, и этот звук пронзил Тома – словно клинок, заточиваемый на камне многие часы, вонзился прямо в сердце. Именно так Элла поддразнивала его, когда они были детьми. Только сейчас она даже не подозревала, что являлась единственной женщиной, чьего внимания Том жаждал всю свою жизнь.

Неужели мысль о том, что его «поймала в свои сети» другая девушка, несколько ее не беспокоила? Неужели не вызывала ни капли ревности? На протяжении почти пяти лет Том страшился узнать, что она помолвлена или вышла замуж. Элле же подобные страхи, судя по всему, не посещали вовсе.

А ведь Том был совершенно уверен, что его чувство взаимно. Просто полагал, что Элла еще слишком юна, чтобы разобраться в собственных ощущениях. Но теперь ей почти двадцать один год, и она больше не шестнадцатилетний подросток. Больше никаких оправданий. Либо она испытывает те же чувства, что и Том, либо нет.

Том больше не мог ждать. Он сделал шаг навстречу Элле и заглянул ей в глаза. В его голосе сквозили нотки бурлящего в душе разочарования.

– Меня не интересует ни одна из деревенских девушек.

Элла сделала шаг назад, непроизвольно отстраняясь, и озадаченно сдвинула брови.

– Что с тобой такое, Томми? Почему ты на меня злишься? Прости, что не пришла тебя навестить, но ты же наверняка понимаешь, что все не может быть так, как прежде. Говорят, будто Джейми...

Том взял девушку за руку, едва слышно застонав от разочарования, боли и гнева.

– Я слышал достаточно о твоём проклятом брате.

Элла покачала головой.

– Ты говоришь так же, как он. Что произошло между вами той ночью? Вы же были лучшими друзьями.

– Именно были, – зло повторил Том. – До тех пор, пока я не переступил черту.

«Ты слишком много себе позволяешь. Мы не друзья, я твой господин».

Элла сдвинула брови.

– Я не понимаю.

Впервые в жизни Тому захотелось хорошенько ее встряхнуть. Словно он мог заставить увидеть то, что находилось прямо перед ее глазами. *Его*. Он всегда был рядом. Преданный друг, спаситель и будущий возлюбленный. И так будет до конца жизни, если она позволит.

«Ты всегда оказываешься рядом, когда я нуждаюсь в тебе, Томми». Сколько раз Элла повторяла эти слова? Неужели она не понимала, почему так происходит?

– В самом деле? – зло переспросил Том. – Разве ты не понимаешь, что сделал Джейми? Не догадываешься, почему твой высокопоставленный брат так стремился нас разлучить?

Широко распахнув глаза, Элла смотрела на друга детства. Очевидно, она совершенно не понимала, о чем он говорит.

Том не верил собственным глазам. Целых пять лет он ждал этого дня. Пять лет преданно ждал возвращения девушки, которая до сих пор не имела понятия о его чувствах. Неужели она действительно настолько слепа? Как можно не видеть того, что буквально бросается в глаза?

Том отпустил руку девушки, чувствуя, как разочарование пропитывает каждую мышцу его тела и струится по венам. Он не доверял самому себе, с трудом сдерживаясь, чтобы не заключить любимую в объятия и не показать ей, что он имеет в виду. Шокирует ли это ее? Что бы подумала леди Элизабет Дуглас, если бы друг детства подхватил ее на руки и показал, насколько сильным может быть мужское желание?

Но вместо этого Том произнес:

– Джейми увидел мои чувства к тебе и понял, что между нами происходит.

Склонив голову набок, Элла вопросительно посмотрела на молодого человека.

– А что между нами происходило? Мы были друзьями. Очень близкими друзьями. И так было с самого детства.

Друзья. Элла и понятия не имела, что поразила Тома в самое сердце.

– Значит, ты воспринимала это именно так? – спросил он. – И не испытывала ко мне ничего, кроме дружеской симпатии? Ты даже не представляла, что у нас может быть будущее?

В больших красивых глазах девушки читалось недоумение и непонимание. Но потом их выражение изменилось, и в душе Тома вспыхнула искорка надежды. Которая тут же погасла.

– Ты говоришь о наших детских играх? – Элла улыбнулась, как если бы воспоминания согрели ей душу. – Конечно же, брак между нами невозможен... – Она осеклась. А потом охнула, и в ее глазах вспыхнул ужас понимания. Элла прикрыла рот ладонью. – О господи, Томми, ты же не думал, что мы в самом деле сможем... Это же была всего лишь игра. Я была ребенком и ничего не понимала.

Том поморщился, будто слова Эллы пронзили ему сердце и рассекли надвое. «Ничего не понимала». Он знал, что она сказала это бездумно, вовсе не желая причинить ему боль. Но лишь усугубила ситуацию. Том оказался настолько глуп, что не замечал очевидного – того, что между ними не может быть ничего, кроме дружбы. Мысль о том, чтобы влюбиться в него, никогда не приходила Элле в голову, поскольку подобные чувства находились для нее за гранью возможного. *Он* находился за гранью возможного.

Чувства или дружба между ними не меняли того, что знал любой, за исключением детей и влюбленных глупцов: сын кузнеца был настолько ниже дочери лорда Дугласа по положению, что его даже не принимали в расчет.

И все же Том верил. В этом-то и состояла вся проблема. На протяжении пяти лет он надеялся, что нежные взгляды, чувственные улыбки и бесконечные часы разговоров что-нибудь да значат. Верил, что существующая между ними связь – ощущение, что Элла стала частью его души, – слишком сильна, чтобы ее отрицать. Элла бежала к нему со всеми своими радостями и горестями, понимала его лучше, чем кто-либо другой, и Том полагал, что так будет всегда. Считал, что их взаимоотношения настолько особенные, что могут бросить вызов общепринятым правилам и ограничениям, вроде происхождения и статуса. Что Элла выше всех предрассудков и воспринимает его таким, какой он есть.

Еще никогда в жизни Том не чувствовал себя таким глупцом. Почему он не послушал отца, когда тот пытался его остановить?

Пальцы Тома сжались в кулаки, когда он постарался усмирить пробудившийся в душе водоворот эмоций. Но это было слишком горько и больно. Его грудь наполнилась нестерпимым жаром, обвилась вокруг горла и сжимала все сильнее. Том мысленно проклинал предательское

жжение в глазах и слабость, коим настоящий мужчина должен уметь противостоять. Элизабет Дуглас видела его плачущим единственный раз в жизни. Этого было более чем достаточно.

Том понимал, что должен уйти. Он больше ни секунды не мог здесь находиться, смотреть на Эллу, ждать ее и при этом понимать, что никогда не сможет сделать ее своей.

Казалось, с того самого дня, когда Том впервые увидел Эллу, он не переставал повсюду искать ее взглядом. Теперь же пришло время смотреть вперед.

Том отвернулся в попытке скрыть унижение, боль и горе, пропитавшие каждую частичку его души.

– Томми, подожди! О господи, прости. Я не хотела причинить тебе боль. Пожалуйста, не уходи вот так.

Но Том не повернулся. Схватив вещевой мешок и перекинув через плечо, он перемахнул через ограждение. Том слышал голос девушки, раздававшийся сверху, когда спускался вниз по стене, но не остановился, чтобы посмотреть на нее.

Он получил ответ и теперь знал, что должен сделать.

Тому потребовалось гораздо больше времени, чем он рассчитывал, но спустя две недели после того, как он взобрался на крышу замка Парк, последний слой смазки был нанесен на его новый меч.

Он уже хотел спрятать меч в ножны, когда его остановил Джонни.

– Можно взглянуть на него еще разок?

Том еле заметно усмехнулся, передавая брату сверкающий клинок. Джонни был невероятно силен – так же, как отец и старший брат – и, несмотря на внушительный вес, с легкостью поднял меч одной рукой, чтобы полюбоваться им в луче солнечного света, льющегося в кузницу сквозь маленькое оконце.

Было Прощеное воскресенье, и братья вернулись домой после мессы. Тому предстояло закончить собирать вещи и поехать по делам в замок по поручению отца.

– Какой красавец, – произнес Джонни и оторвался от созерцания длинного лезвия, переводя взгляд на брата. – Это самая лучшая твоя работа. Отец прав – ты мог бы ковать мечи для королей.

Том рассмеялся, как ему показалось, впервые за несколько недель, а потом потрепал косматые, слишком длинные волосы брата.

– Сомневаюсь, что королю понравилась бы такая простая кожаная рукоятка без драгоценных камней и позолоты. Но простому солдату она вполне сойдет.

– Так будет недолго, – возразил Джонни с горячностью мальчишки, благоговейно взиравшего на старшего брата на протяжении четырнадцати лет. – Я знаю, что ты быстро проложишь себе путь наверх. Это случится быстрее, если ты накопишь денег на покупку приличного коня.

Том поморщился. Несмотря на то что он никогда не учился владению мечом по-настоящему, наиболее серьезным препятствием на пути к своей цели он считал отсутствие навыков верховой езды. Том хотел стать рыцарем, но Дугласы много лет подряд твердили ему о том, что для этого ему придется научиться ездить верхом.

– Да, но ты ведь знаешь мое отношение к лошадям.

Джонни улыбнулся – он находил очень забавными проблемы старшего брата с лошадьми и даже с их подковыванием, – но потом посерьезнел.

– Папа очень благодарен, Томми. Даже если не показывает этого.

Том кивнул.

– Знаю.

Но отец был таким же, как Том: упрямым и гордым. Он полагал, что осознание невозможности быть с Элизабет удержит Тома в родовом гнезде, но никак не ожидал, что это обстоятельство погонит его прочь.

Том решил покинуть отчий дом. Забрал половину денег, оставленных ему матерью, и купил на них сталь, чтобы выковать меч и доспехи, необходимые для того, чтобы присоединиться к армии Эдуарда Брюса⁷. При обычных обстоятельствах он предложил бы клинок своему господину, но не сейчас, поскольку скорее пронзил бы этим самым клинком черное сердце Джеймса Дугласа за то, что тот сделал с Джоанной – лишил ее невинности, не собираясь при этом на ней жениться. А после и вовсе оставил ее одну оплакивать своего нерожденного ребенка. Сейчас Том надеялся найти место в армии брата короля, и неудивительно, что Дуглас отпустил его на все четыре стороны.

Вторую половину денег Том отдал отцу на расширение кузницы. Их должно было хватить на то, чтобы заменить все инструменты на новые и при желании нанять двух подмастерьев. Сначала Большой Том отказывался брать деньги, но Том тоже мог проявить упрямство. К тому же он указал отцу на то, что эта часть по праву принадлежит Джонни. Будь мать жива, она непременно захотела бы дать что-то и младшему сыну.

– Тебе обязательно ехать завтра? – спросил Джонни. – Не можешь остаться до празднования в замке? – Последний день перед началом Великого поста считался самым значительным праздником года.

Том заметно напрягся. Не только потому, что упоминания о замке неизбежно пробуждали мысли об Элизабет, но и потому, что Дуглас оставался единственным замком в округе. Вскоре после судьбоносной встречи Томаса и Элизабет на крыше, Джейми вернулся в деревню в третий раз, чтобы освободить замок Дуглас от англичан. Он преуспел, убив капитана и сравняв свой собственный замок с землей. От некогда мощной крепости остались лишь пепел да груды камней.

Том решительно покачал головой.

– Я и так оставался дольше, чем планировал.

– Джо лучше? – спросил Джонни.

Том кивнул. Ужасное несчастье с Джоанной, произошедшее после отъезда сэра Джеймса Дугласа, заставило Тома задержаться дома еще на целую неделю. Она едва не погибла под копытами лошади после ссоры с Джейми, которую упорно отказывалась обсуждать. И Том был уверен, что его подруга вряд ли сможет когда-нибудь оправиться от потери ребенка.

– Ее жизнь вне опасности, – ответил Том, хотя и догадывался, что «лучше» Джоанне станет еще очень не скоро. Но он сделал для нее все что мог, а мимолетная встреча с Элизабет в замке Парк, куда Том пришел навестить Джоанну, лишней раз доказала, что он откладывал отъезд слишком долго.

– Я понимаю, – произнес Джонни, хотя выражение его лица говорило о том, что он, как и их отец, вовсе ничего не понимал. Несмотря на то что мальчишка был чрезвычайно взволнован отъездом брата и непременно хотел услышать рассказы о его приключениях, Том знал: Джонни никогда не последует его примеру. Младшего брата вполне устраивает то, что у него есть.

Раздался стук в дверь. Склонившись над кроватью, чтобы убрать в сумку оставшиеся вещи, Том попросил брата впустить гостя. Он слышал, как отворилась дверь, и наступила тишина. Он обернулся через плечо. Что, черт возьми, случилось с Джонни? Парень стоял с открытым ртом, а дверь закрывала от взора Тома посетителя.

Том выпрямился и собрался уже спросить брата, что там за гость, когда знакомый голос заставил его застыть на месте. При этом каждый нерв Тома натянулся точно струна.

– Джонни? Ты ли это? – воскликнула Элизабет, порывисто обнимая застывшего от неожиданности парня. – Господи, ты стал таким высоким, что я ни за что тебя бы не узнала.

Джонни лишь кивнул, будто внезапно лишился дара речи.

⁷ Последний верховный король Ирландии, участник войны за независимость Шотландии. Младший брат Роберта Брюса, поддерживавший его в борьбе за корону Шотландии.

Том стиснул зубы. Какого черта она тут делает? Разве она знает, где он живет? За все годы их знакомства Элизабет ни разу не была у него дома. Они всегда встречались в кузнице. Но до этого момента Том не задумывался, почему так происходило. Сейчас ее пребывание здесь выглядело... неправильным. Ей здесь не место. Том осознал это только сейчас.

Простой двухкомнатный домик еще никогда в жизни не казался Тому таким убогим, как в этот самый момент, когда леди Элизабет Дуглас в своем белом – кто, черт возьми, надевает белое, направляясь в жилище кузнеца? – бархатном платье переступила его порог. Комната сразу стала еще более темной, стены – более закопченными от торфяного дыма, а камышовая подстилка на грязном земляном полу – такой несвежей. Простая мебель с подушками и занавески, не менявшиеся с того самого момента, как умерла мать, внезапно показались Тому поношенными и обветшалыми. Макгованов трудно было упрекнуть в опрятности, поэтому на столе стояли тарелки с остатками вчерашней еды, а на кроватях валялась грязная одежда.

– Что ты здесь делаешь, Элизабет?

Вопрос Тома прозвучал грубее и холоднее, чем ему хотелось бы. Девушка порывисто повернула голову, поскольку до этого момента не замечала его присутствия. Выпустив Джонни из объятий, она ласково взъерошила его волосы, а потом повернулась к Тому.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Сейчас неподходящий момент.

Элла посмотрела на открытую кожаную сумку на кровати, наполовину заполненную вещами, а потом вновь перевела взгляд своих больших голубых глаз на Тома.

– Джо сказала, что ты уезжаешь.

– Завтра утром, – вставил Джонни, к которому наконец вернулся дар речи.

Элизабет повернулась к благоговейно взирающему на нее парню.

– Ты не мог бы оставить нас с братом наедине? Мне нужно кое-что с ним обсудить. Кажется, я видела, как мальчишки пошли рыбачить на речку.

Джонни вопросительно посмотрел на брата. Тому ужасно хотелось покачать головой, но он согласно кивнул.

Спустя минуту дверь за Джонни закрылась, и молодые люди остались вдвоем. Не знающий Эллу человек мог бы назвать ее холодной и уверенной в себе. Однако Том видел, что она нервничает. Ее выдавали пальцы, судорожно сжимающие полы отороченной мехом накидки, наброшенной на плечи, и учащенное дыхание.

Однако Том и не думал облегчать Элле задачу. Опершись спиной о стену и скрестив руки на груди, он ждал.

Девушка огляделась вокруг.

– Значит, вот где ты прятался все эти годы. Как случилось, что ты ни разу не пригласил меня сюда?

Словно ответ не бросался в глаза. От внимания Тома не ускользнула осторожность, с какой Элла вошла в его дом. Она словно опасалась наступить в грязь или испачкать идеально чистый подол своего платья. Было видно, насколько ей здесь неуютно.

Желудок Тома болезненно сжался.

– Что тебе нужно, Элизабет? Говори и уходи. Как видишь, я занят.

Девушка сдвинула брови. Ее нос не стал больше за прошедшие годы, и сморщила она его так же, как раньше. Том разговаривал с ней так резко, что Элла, казалось, не знала, как на это реагировать.

– Нам нужно поговорить.

– Не о чем говорить.

Девушка двинулась к нему.

– Зачем ты так? Почему злишься на меня? Я не сделала ничего плохого.

– Я на тебя не злюсь.

Да и какое он имел на это право? Разве можно осуждать ее за то, что она не рассматривала его в качестве потенциального жениха? Статус Тома был настолько ниже, что брак между ними бы не только сочли смехотворным, но и осудили все вокруг. Да, не было у него никакого права злиться на Эллу.

И все же он считал ее виноватой. В том, что она оказалась настолько милой, доброй, великодушной и забавной, что он просто не мог не влюбиться в нее. Виноватой в собственной красоте, от которой становилось больно глазам, в том, что ввела его в заблуждение, заставила поверить, что он ей ровня и достоин не только дружбы, но и любви. В том, что на протяжении многих лет он ждал чего-то, чем никогда не сможет обладать.

Да. Он совсем не злился.

Элла подбоченилась, как делала всегда, когда была им недовольна.

– Я не раз испытывала на себе твое дурное настроение, Том Макгован, так что не пытайся напугать меня своим сердитым взглядом. Я знаю, когда ты злишься.

Том выпрямился, безвольно опустив руки.

– Как ты уже дала мне понять, за пять лет многое изменилось. Возможно, ты знаешь меня не так хорошо, как тебе кажется. – Том сделал шаг к ней в полумраке комнаты. – Возможно, тебе стоит испугаться, потому что ты больше не отвлечешь мое внимание своими глупыми шутками.

Прозвучавший в голосе Тома намек ясно дал понять, что его может отвлечь в это самое мгновение.

Элла вздернула подбородок, однако едва уловимый трепет пульса на ее шее говорил о том, что она поняла его намек, хотя всем видом старалась показать, что это не так. В глубине души Тома зародилась волна какого-то первобытного удовлетворения.

– Не говори глупостей.

Девушка определенно не хотела его обижать, однако своими словами лишь подлила масла в огонь, коим жарко пылали все части его тела. Тонкий, еле слышный аромат духов Эллы обволакивал Тома чувственным туманом, разжигая или, вернее, раздувая огонь желания, заставляя его тело напрягаться.

Том сделал шаг назад.

– Да, это глупость. Ты права. И именно поэтому тебе лучше убраться отсюда.

До Эллы не сразу дошел смысл сказанного.

– Я вовсе не хотела... – Она сдвинула брови. – Ты знаешь, что я имела в виду. Что ты никогда меня не обидишь. Но ты, кажется, полон решимости придать моим словам иное значение. И не разговаривай со мной как заправский грубиян.

– Или ты хотела сказать, как сын кузнеца? Может, я и не говорю на французском или каком-то другом языке, но я прекрасно тебя понимаю. Именно поэтому нам нечего друг другу сказать.

Девушка поджала губы в попытке сохранить спокойствие перед подобной грубостью.

– Мне жаль, что я ранила твои чувства, Томми. – Ранила чувства? Если бы сейчас пол разверзся у него под ногами, чтобы полностью поглотить, Том был бы этому рад. Неужели их встреча две недели назад оказалась недостаточно унижительной? Элла разбила его мечты, заставила его ощутить себя полным идиотом из-за собственной веры в то, что он ей небезразличен. И при этом вела себя так, будто ей пришлось иметь дело с чересчур ранимым юнцом. – Но ты застал меня врасплох. Я и понятия не имела, какие чувства ты испытываешь... по отношению ко мне.

Ей даже произносить это было неловко. Том подозревал, что залился краской так же густо, как и Элла. Зубы сжались так, что он едва не лишился способности говорить.

– Все было очевидно. Но тебе не стоит беспокоиться на этот счет. Я больше не стану обременять тебя разговорами о своих чувствах. Это была моя ошибка.

Элла тотчас же просияла.

– Значит, мы можем обо всем забыть и снова общаться, как прежде? – Она улыбнулась. – Я скучала по тебе, Томми. Мне так много хочется рассказать тебе о Франции.

Несколько лет назад Том был бы счастлив послушать ее рассказы. Несмотря на то что у него не имелось никакого желания посетить Францию или все те места, о которых говорила Элла в детстве, он поехал бы туда и жил там, если бы это сделало ее счастливой.

Но сейчас он смотрел на Эллу так, словно не верил собственным ушам. Она считала его чувства настолько поверхностными и несерьезными? Неужели полагала, что он может управлять ими, точно фитильком масляной лампы?

– Ну и как ты себе это представляешь, Элизабет? На протяжении пяти лет я ждал возвращения девушки, которую любил сколько себя помню. Девушки, которая, как я думал, любит меня. – Глаза Эллы округлились при слове «любил», но Том продолжил: – Но когда она вернулась домой, я узнал, сколь сильно заблуждался. Любимая девушка не только не ответила на мои чувства, но сочла их «невозможными», а все происходящее и вовсе «игрой». Возможно, это глупо, но я вижу, что так, как прежде, уже никогда не будет.

В глазах Эллы вспыхнул огонь. Тому потребовалось немало усилий, чтобы вывести ее из себя, и в конце концов его замечание достигло своей цели.

– Ничего не изменится, если ты не будешь так чертовски упрямым.

На протяжении многих лет он заставлял себя не забывать, где его место, помнить, что Элла дочь лорда. Лишь это помогало ему сдерживаться и не заключать Эллу в объятия. Том наклонился и заглянул ей в глаза.

– Хоть раз в жизни раскрой свои прекрасные голубые глаза, Элизабет. Все уже изменилось. Теперь мы оба видим, что у нас нет будущего.

Элла дерзко взглянула на Тома. Не только он мог быть упрямым.

– Но это не означает, что мы не можем остаться друзьями.

– Еще как означает. – В течение нескольких минут они гневно взирали друг на друга. Руки Тома подрагивали от желания прикоснуться к любимой. Увидеть, как горящий в ее глазах гнев сменится страстью, которая, как он знал, бурлила в ее душе. Но он недостаточно хорош, чтобы прикасаться к ней.

Сердце пронзила боль, и Том отвернулся.

– А теперь, если позволишь, мне нужно собраться.

И тогда до него дотронулась Элла. Прикосновение ее руки было сродни языку пламени, лизнувшему кожу и тотчас же охватившему все его существо. Весь гнев Эллы куда-то улетучился, а в глазах промелькнуло нечто очень похожее на панику. Впервые в жизни Тому не хотелось ее утешать.

– Но я не хочу, чтобы ты уезжал, Томми. Без тебя это место не будет прежним. – Элле всегда удавалось развеивать его дурное настроение своими шутками и поддразниванием. И она снова решила опробовать на нем свои чары. – К тому же кто меня поймает, когда я споткнусь?

Томми смотрел на Эллу, на невыносимо красивую молодую женщину, преследовавшую его во снах слишком долго. Этому нужно положить конец. Ведь он уже не тот мальчик, что удерживал ее от падения бесчисленное количество раз. И уж точно он не рыцарь, который спас ее от падения с дерева и получил в награду руку принцессы.

Но он им станет. Однажды Элизабет Дуглас пожалеет о том, что позволила ему уехать. Она увидит в нем мужчину и захочет его со всей страстью и отчаянием, какие он испытывает прямо сейчас, только будет слишком поздно.

Их взгляды встретились в последний раз, и Том со всей искренностью, на какую был способен, произнес:

– Знаешь, Элизабет, мне действительно на это наплевать.

Девушка ошеломленно охнула, а потом, оправившись от потрясения, сделала то, о чем он ее просил.

Когда за Эллой захлопнулась дверь, Том опустился на кровать и обхватил голову руками.

Глава 3

Блэкхаус-Тауэр, Шотландские марши⁸, День покаяния⁹, 22 февраля, 1314 года

Элизабет выглянула из окна башни и окинула взглядом окрестности. Сильнейшим зимним холодом были окутаны бесчисленные коричневые и серые полосы пожухлой травы, видневшиеся на горизонте. Казалось, в густых лесах на склонах холмов Галлоуэя не осталось ни зеленого листочка, ни яркого полевого цветка. Свиста чибисов не стоило ожидать еще несколько месяцев, а потому тишину нарушало лишь завывание ветра.

Блэкхаус-Тауэр, часть наследства Дугласов, возвращенная брату Элизабет Робертом Брюсом, находилась на берегу ручья в самом сердце леса Эттрик на диких негостеприимных землях, облюбованных шотландскими «мятежниками» еще со времен Уильяма Уоллеса¹⁰. Чуть дальше простирались бесконечные холмы Пиблза, Селкирка, Дждбурга, Роксбурга и других значимых городов, расположенных с шотландской стороны границы.

Элизабет готова была многое отдать, лишь бы оказаться в одном из них. Господи, как же ей хотелось поскорее покинуть эти унылые безлюдные места. Забыть о бесконечных серых днях, одних и тех же лицах с утра до вечера, гудящей тишине. В городе всегда что-то происходило. Там всегда было шумно, весело и находился повод для радости. Здесь же, в их крепости, затерянной в лесу, самым волнующим событием за последнее время стало завершение работы над новым гобеленом, призванным украсить стену за помостом, на котором располагался стол. А ведь Элизабет даже не любила рукоделие!

Но так будет продолжаться недолго. Где-то там Джейми и его люди атаковали один из последних английских гарнизонов, располагавшийся в шотландском замке Роксбург, в качестве упреждающего удара в войне короля Роберта против англичан. В конце октября Брюс сделал заявление о том, что в течение года конфискует землю тех дворян, которые до сих пор не признали его своим королем. Эта угроза преданным англичанам, представителям знати, наконец принудила Эдуарда к ответным действиям. Он заявил, что в июне захватит замок Берик.

Оставшиеся месяцы Брюс использовал для подготовки к предстоящей войне. В дополнение к набегам и получению дани от тех англичан, которым не посчастливилось жить рядом с границей, армия короля осаждала стратегически важные цитадели Эдинбурга, а вскоре и Стерлинга. Небольшие воинские отряды вроде тех, что возглавлял брат Элизабет, препятствовали доставке продовольствия к таким крепостям, как Роксбург, Дждбург, Ботуэлл и Данбар, все еще находящимся во владении англичан. У Брюса не было ни людей, ни ресурсов, чтобы подвергнуть осаде все эти крепости. Когда Эдуард II отправится на север, шотландские замки не будут оплотом для англичан.

Джейми ждал скорого вызова в Эдинбург для подготовки к грядущему сражению и обещал взять Элизабет с собой. После ожесточенных боев, с которых началась война, наступило затишье. Тысячи людей Брюса оккупировали город, поэтому не стоило опасаться нападения английского гарнизона, состоящего всего лишь из сотни бойцов. Тем более что в Эдинбурге будут две сестры Брюса и жены многих людей из его свиты.

Элизабет не могла дождаться этого момента. Эдинбург, конечно, не Париж, но все же лучше крепости в лесу Эттрик.

Элизабет посмотрела вокруг, словно пытаясь разглядеть вдали пестрое знамя или отблеск серебряной кольчуги под плащом. Но инстинктивно искала глазами не бело-голубой герб Джейми. Могут ли быть люди Эдуарда Брюса поблизости?

⁸ Область в англо-шотландском пограничье в Средние века, которая постоянно подвергалась набегам и разорению.

⁹ Первый день Великого поста у католиков и англиканцев.

¹⁰ Шотландский рыцарь, один из военачальников в войне за независимость от Англии.

– Кого-то высматриваешь, Элла?

Вздрогнув от неожиданности, Элизабет обернулась на голос своей кухни – леди Изабеллы Стюарт, дочери национального героя Джона Стюарта из Бонкиля, погибшего в битве с Уоллесом при Фолкерке, и кухни нынешнего 6-го лорда-стюарда¹¹ Шотландии Уолтера. 4-й лорд-стюард приходился дедом обеим девушкам.

Улыбнувшись, Изабелла продолжила:

– Пытаешься вызвать из этого тумана образ сэра Томаса? Эдинбург слишком далеко, чтобы ты могла его разглядеть.

Элизабет улыбнулась в ответ.

– Я и так скоро его увижу, Иззи.

Изабеллу было легко убедить в отличие от другой обитательницы замка – Джоанны, которая знала Элизабет слишком хорошо. Теперь они были не просто подругами детства. Два с половиной года назад Джоанна наконец-то вышла замуж за Джейми и стала невесткой Эллы. После происшествия с Джоанной будущим супругам пришлось пережить нелегкие времена. Элизабет не посвятили во все детали, но она знала, что Джейми совершил нечто ужасное, за что Джоанна со временем его все же простила. К счастью, то обстоятельство, что они едва не потеряли друг друга, лишь разожгло их любовь. Так что им повезло.

Джоанна понимающе посмотрела на золовку.

– Я слышала от Джейми, что теперь, когда Рэндольф взял в осаду Эдинбург, Эдуард Брюс вскоре начнет осаждать замок Стерлинг.

Элизабет постаралась сохранить бесстрастное выражение лица, хотя уже знала об этом.

– Очень интересно, но это не имеет для меня никакого значения.

Джоанна насмешливо приподняла бровь.

– Правда? Хм.

Элизабет не понравилось это «хм». Что бы там ни думала Джоанна, она ошибалась. Если Элизабет и проводила слишком много времени у окна, то лишь потому, что ей было очень скучно и тревожно. И дело вовсе не в ожидании кого-то, в особенности Томми.

На самом деле ей было любопытно, где он и что с ним. Ведь за три года Элизабет не слышала о бывшем друге детства почти ничего, кроме того, что он сражается под знаменами Эдуарда Брюса.

– Значит, тебя беспокоит ссора с Арчи? – спросила Изабелла.

Элизабет хотела уже сказать, что вовсе не испытывает беспокойства, но, поняв, что подруги ей все равно не поверят, лишь пожала плечами.

– Немного, – призналась она. – В отсутствие леди Элеоноры и Джейми мне приходится непросто. Он меня совсем не слушается.

– Меня тоже, – с усмешкой кивнула Джоанна. – Но, могу предполагать, так ведут себя все шестнадцатилетние подростки. К тому же Дугласы думают, что знают все. Я хорошо это помню.

Элизабет тоже помнила, и ее сердце болезненно сжалось. Но в том, насколько сильно скучала по тем временам, она могла признаться лишь себе. До тех пор, пока все не запуталось... Почему Томми решил уйти из дома и испортить все в попытке изменить привычное положение вещей? Ведь все и так было идеально.

Элизабет дорожила связывающими их узами и крепкой дружбой, пережившей испытание войной, расстоянием и временем. Том был ее спутником, доверенным лицом, якорем в водовороте жизни, неизменным звеном и лучшей частью возвращения домой. Томми был для нее домом. И после его отъезда Дуглас изменился.

¹¹ Титул офицера, который контролирует внутренние дела королевского дома.

Элизабет думала, что Том никогда не оставит ее. Сняв с дерева, когда ей было шесть лет, и впоследствии предотвращая появление бесчисленного количества синяков, ободранных коленей и вывихнутых лодыжек, подставляя плечо для слез после смерти ее отца и выслушивая многочисленные подростковые жалобы на мачеху после очередной ссоры, он, казалось, всегда точно знал, что сказать – или не сказать, – чтобы Элизабет стало лучше. Даже после самого ужасного периода в ее жизни, когда после смерти отца Элизабет король Эдуард отобрал у ее семьи все и им пришлось умолять родственников о крове, который в конце концов предоставила семья Изабеллы, Томми оказался единственным, кому Элизабет смогла поведать о своих страхах и стыде, о которых не могла забыть до сих пор.

Именно поэтому признание Томми заставило ее испытать такой шок. Ведь он прекрасно знал, насколько важен для нее прочный и выгодный во всех отношениях брак.

Томми был самым близким ее другом. Во всяком случае, она думала именно так. Элизабет до сих пор охватывал гнев при воспоминании о том, насколько грубо он разговаривал с ней во время их последней встречи. Как он посмел злиться на нее, когда сам решил единолично изменить правила?! Элизабет никогда не думала о нем в таком ключе и даже не подозревала, что его чувства к ней изменились. Ради всего святого, перед их разлукой ей было всего шестнадцать лет. В этом возрасте человека вряд ли можно называть сообразительным.

Надо признать, что и в двадцать лет она не стала проницательнее, но все равно смогла бы отреагировать на признание Томми чуть тактичнее, ведь он был так невыносимо горд. К тому же Элизабет знала, каким обидчивым он может быть при упоминании о положении его отца в их замке. Однако признание Томми настолько ее ошеломило, что слова вырвались сами собой.

А чего он ожидал? Он предлагал невозможное, ни при каких условиях неосуществимое. Брак Элизабет должен помочь упрочить могущество ее клана и повесить его престиж.

Элизабет никогда не задумывалась о социальном статусе Тома, но он заставил ее признать, насколько огромна разделявшая их пропасть. Дочери могущественных представителей знати не выходят замуж за сыновей кузнецов. Ни в Шотландии, ни в любой другой стране христианского мира. Только крестьяне считали важными такие понятия, как «желание» и «любовь». Но, к счастью, Элизабет сдержалась и не произнесла этого вслух. Оставалось лишь догадываться, как бы Том отреагировал на такое не слишком деликатное замечание. Конечно же, любовь желательна и в благородных браках, но она должна расцвести в них, а не быть их основой.

Элизабет поджала губы. Она все еще сердилась на Тома за то, как он с ней разговаривал и как легко ушел, даже не оглянувшись. Вот вам и дружба, и любовь.

И все же Элизабет ужасно тяготило то, как закончились их отношения. Между ними словно осталась какая-то недосказанность, незавершенность. Возможно, именно этим объяснялось беспокойство, от которого Элизабет никак не могла избавиться. Она хотела увидеть Тома. Лишь для того, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Потому что мысль о том, что он ее ненавидит, была просто невыносима.

Прогнав прочь воспоминания о бывшем друге, Элизабет сосредоточилась на насущном.

– Хочешь сказать, упрямство Дугласов исчезает после шестнадцати лет? Скажи об этом моему брату Джейми, по-прежнему полагающему, будто он знает все на свете. – Девушка покачала головой. – Должна признать, я понимаю раздражение Арчи. На его месте я бы тоже сгорала от желания вырваться отсюда.

Арчи хотел воевать, но Джейми не разрешал. Не только из-за юного возраста Арчи, но и потому, что Джейми не хотел подвергать парня опасности. Англичане готовы были на многое, чтобы пленить брата Черного Дугласа, пусть даже и сводного. Однако запрет Джейми не очень-то подействовал на рвущегося в бой шестнадцатилетнего подростка, поэтому Джоанне и Элизабет предстояла нелегкая задача удержать парня в узде. Именно из-за этого вчера вечером Арчи и поругался сестрой.

– Хочешь сказать, тебе не хочется тоже уехать отсюда? – смеясь, спросила Джоанна. – Думаю, в этом замке Арчи не единственный, кому не терпится оседлать коня и отправиться в Роксбург или Эдинбург.

Элизабет тщетно попыталась скрыть улыбку. Джоанна права.

– Мне действительно хочется, чтобы Джейми поскорее закончил свои дела в Роксбурге, – произнесла Элизабет. – Ведь я не становлюсь моложе. В следующем месяце мне исполнится двадцать четыре года. Теперь, когда Джейми наконец подыскал человека, отвечающего его требованиям, я хочу поскорее начать подготовку к свадьбе.

– Может, он просто захватит для тебя замок? – сухо произнесла Джоанна. – Тогда ты быстро окажешься в Эдинбурге.

Переглянувшись, девушки рассмеялись. Способность Джейми захватывать замки хитростью уже стала легендой, но Роксбург был самым охраняемым и хорошо укрепленным замком на границе.

– Должно быть, кузену Джеймсу потребовалось немало усилий, чтобы подыскать тебе мужа. Наконец он остановился в своем выборе – на одном из самых влиятельных мужчин королевства, – заметила Изабелла. – Не говоря уже о том, что его избранник недавно унаследовал титул графа. Надеюсь, кузен Уолтер сделает для меня хотя бы половину того, что сделал для тебя Джейми.

Джейми был опекуном Элизабет, а юный лорд-стюард Шотландский – опекуном Изабеллы.

Элизабет покраснела от удовольствия, даже не пытаясь скрыть от подруг своего волнения. Джейми действительно постарался на славу.

– Не могу поверить, что стану графиней Морланд, – произнесла она вполголоса, как будто слишком громкие слова могли поставить под угрозу ее будущее.

Джейми организовал помолвку с племянником Роберта Брюса и своим ближайшим другом и соратником сэром Томасом Рэндольфом. Дугласы тоже состояли в родстве с Брюсом посредством своего прадеда – 3-го лорда-стюарда Шотландии, в то время как Рэндольф был сыном сводной сестры матери Брюса.

– Так много нужно сделать. Не терпится приступить к приготовлениям, – продолжала Элизабет. – Мы так давно ничего не праздновали. А поскольку Джейми считает, что король будет настаивать на праздновании свадьбы в одном из своих замков, она наверняка станет самым значимым событием с того момента, как он вззошел на престол. Музыка, танцы, лучшие кушанья и вино... Совсем как в Париже. У меня будет красивое новое платье – я уже знаю, какое хочу, – и туфли, и...

– Муж, – перебила подругу Джоанна. – Не забывай, что кроме потрясающей свадьбы и красивого нового платья у тебя появится муж.

Элизабет укоризненно посмотрела на невестку, пытающуюся остудить ее пыл по поводу предстоящей свадьбы.

Пока еще ничего не было решено, и поездка в Эдинбург являлась чистой формальностью. Элизабет виделась с сэром Томасом несколько раз, и у нее не возникло оснований думать, что они могут не подойти друг другу. Красивый и обаятельный: он мог заставить сердце любой девушки биться чаще. Элизабет сморщила нос. С ее сердцем до сих пор такого не случилось, но она надеялась, что случится, когда они с сэром Томасом узнают друг друга получше. Немаловажным фактом было и то, что любимый племянник короля и графа владел достаточным количеством земель, чтобы обеспечить Элизабет безбедное существование до конца жизни. Это означало, что ни ей, ни ее будущим детям никогда больше не придется снова полагаться на милость родственников.

Не считая обоих Брюсов, в Шотландии вряд ли нашелся бы более влиятельный человек, чем Томас Рэндольф. Хотя Джейми мог бы с этим не согласиться.

– Мне пришлось бы очень постараться, чтобы отыскать в Томасе Рэндольфе черту, которая вызвала бы у меня неприязнь, – заметила Элизабет.

– Да, он красивый, мерзавец – согласилась Джоанна. – И прекрасно об этом знает. Кажется, его любят все женщины, но как насчет тебя?

Элизабет удивленно посмотрела на подругу.

– А какое это имеет значение?

Джейми решил, за кого она выйдет замуж. И несмотря на то что он ни за что не стал бы принуждать ее к нежеланному браку, Элизабет прекрасно осознавала свой долг.

– Очень большое, – тихо ответила Джоанна. – Знаю, Джейми окрылен возможностью заключить такой союз, но не позволяй ему манипулировать тобой. Я уверена, он хочет, чтобы ты была счастлива, и не бойся напоминать ему об этом.

Элизабет понимающе улыбнулась. Джейми и Джо были сейчас так счастливы, и иногда она забывала, что в их отношениях не всегда все было так просто. Джейми по любви женился на девушке гораздо ниже себя по положению, и это решение тяжело далось амбициозному брату Элизабет после серьезной внутренней борьбы.

Для мужчины, с таким положением в обществе как у Джейми, брак являлся долгом, и женитьба по любви обрекала его на публичное осуждение. Такой союз не только оскорблял социальные устои, но и расценивался как слабость с его стороны, ведь он предпочел похоть чести. Элизабет покраснела. Кто мог подумать, что ее свирепый сильный брат пренебрежет своим долгом ради низменных желаний?

Джейми спокойно пережил скандал, а помогло ему в этом благосклонное отношение короля. Элизабет же прекрасно осознавала свой долг. В отличие от брата она не имела возможности проложить себе путь к величию с помощью меча. Обеспечить свое безбедное существование Элизабет могла только через брак.

Конечно же, она не завидовала счастью брата и любила Джо как сестру, понимая, что такой путь не для нее.

– Ваши чувства с Джейми – редкость, Джо. Семейная жизнь большинства женщин нашего положения совсем другая. К тому же для меня подобные отношения никогда не играли важной роли. Я не так романтична, как ты. Но не волнуйся, я уверена, что полюблю графа. Да и за что его можно не любить?

Джоанна посмотрела на подругу так, словно хотела возразить, но потом решила промолчать. Вместо этого она еле заметно усмехнулась.

– За многое, если послушать Джейми. Хотя до тех пор, пока ты не выйдешь замуж, он будет петь графу дифирамбы.

Элизабет рассмеялась. Она не раз выслушивала недовольные тирады своего грозного брата, ругающего «напыщенного» рыцаря, если Рэндольф оказывался в чем-то лучше его. Мужчины были яростными соперниками и всегда пытались превзойти друг друга на поле боя, но при этом оставались на удивление добрыми друзьями.

– Мне не терпится поскорее познакомиться с этим образцом совершенства, – произнесла Изабелла. – Если хоть половина из того, что я о нем слышала, – правда, то он должен произвести неизгладимое впечатление.

Желанию Иззи суждено было исполниться раньше, чем они предполагали – в этот самый момент стук копыт внизу возвестил о прибытии всадника.

Через несколько минут Джоанна уже держала в руках послание от Джейми. Глаза ее заметно округлились в процессе чтения, и она еле слышно пробормотала себе под нос что-то вроде: «Господь всемогущий!» Элизабет едва не сошла с ума от беспокойства, но тут ее невестка рассмеялась.

– Что такое? – спросила Элизабет.

Джоанна передала ей письмо со слезами радости и гордости на глазах.

– Прочти сама. Но твой будущий муж будет не слишком счастлив это услышать.

Ошеломленная, Элизабет не верила собственным глазам. Закончив читать письмо, она издала крик ликования, подобный тому, что услышала от Джоанны, и порывисто обняла подругу. Джо права. Рэндольф совсем не обрадуется. Он почти два месяца вел осаду замка Эдинбург, в то время как Джейми взял замок Роксбург за одну ночь.

Девушки смеялись до тех пор, пока по их щекам не заструились слезы. Чудесный подвиг, о котором они шутили несколько минут назад, стал явью. Джейми вновь совершил невозможное. Поступив так, как не ожидал никто, включая самого Брюса, он воспользовался подвернувшейся возможностью и хитростью взял замок во время празднований в честь начала Великого поста.

Но не менее чудесным, по мнению Элизабет, было то, что после того, как ее брат сравняет замок с землей, не позже, чем через две недели, вернется в Блэкхаус и отвезет женщин в Эдинбург.

Вне себя от радости, Элизабет направилась в покои Арчи и младшего брата Хью, чтобы поделиться с ними последними новостями, однако застала только одного из них.

Мерзавец играл с ним. Том атаковал то слева, то справа, но каждый раз Капитан отражал удары его меча ловкими движениями рук. Сначала он с силой ударил Тома по плечу, развернув лезвие меча горизонтально, а потом по его бедру. Сейчас они практиковались, иначе лезвие непременно бы нанесло Тому серьезные раны.

Тому не требовалось смотреть в лицо своего оппонента, чтобы знать, что тот злорадствует. Капитан стал его заклятым врагом после того, как в прошлом году Том положил конец его приставаниям к жене Йена Маклина. Мерзавцу следовало его поблагодарить. Маклин здорово поколотил Капитана – сэра Джона Керра, – и если бы Том не вмешался, негодяя ждала бы медленная мучительная смерть.

Однако Капитан не считал, что обязан Тому жизнью, и хватался за любую возможность, чтобы выставить его в дурном свете. Особенно в такие моменты, как сейчас, – когда на них смотрел их лорд.

На протяжении последних трех лет Том медленно, но верно создавал себе имя, и Эдуард Брюс, граф Каррик, наконец-то его заметил. Единственный оставшийся в живых брат короля лично заинтересовался подготовкой Тома и дал ему понять, что, несмотря на поздний старт и скромные успехи, Том сумеет сделать карьеру в армии. Это оскорбляло чувства Капитана, а покровительство графа лишь усиливало его негодование.

Это все было Тому не на руку. К тому же его пытался уязвить не только Капитан. За последние три года он подвергался разного рода унижениям, выслушивал бесчисленное количество грубых комментариев о своем происхождении, выполнял тяжелую работу. Все это было призвано поставить его на колени, доказать, что «крестьянину» не место рядом с настоящими воинами, рожденными для того, чтобы сражаться на поле боя. Тома не раз одолевало желание все бросить. Особенно когда его покрытые кровоподтеками мышцы горели от боли, пот сочился по телу, а рот забивался очередной порцией грязи. Однако Тома всегда останавливала мысль о том, что в таком случае придется вернуться домой с поражением. Поэтому он страдал и терпел, и в конце концов заслужил, пусть и неохотное, уважение донимавших его людей.

– Пожалуй, тебе не стоило расставаться с молотом, – съязвил Капитан. – Меч – благородное оружие для настоящего рыцаря. Грубая сила не поможет, если ты не научишься владеть клинком. – Том уже привык к злобным замечаниям о его происхождении, поэтому не заглох от наживку, что еще больше разозлило Капитана. – Еще раз, – потребовал Керр (или Хам¹², как

¹² В английском языке имя Керр и слово *sur* (хам, грубиян, наглец) произносятся одинаково.

его называли другие рыцари), поднимая меч и занимая оборонительную позицию. Том стиснул зубы и прижал руку с мечом к правому виску, готовясь к атаке.

– Не думай слишком много, – посоветовал один из собравшихся вокруг мужчин.

В этом и состояла проблема Тома. Он не испытывал недостатка в силе или ловкости, но даже после трех лет постоянных тренировок так и не обнаружил в себе тех инстинктивных движений, которые, казалось, были выжжены в мускулах рыцарей, державших мечи с юности.

Как бы Тому ни ненавистно было это признавать, Капитан был прав: грубая сила не помогала. Вот почему Том раз за разом терпел унижения Керра. Капитан был мерзавцем, но зато превосходно владел мечом.

Том хотел быть не просто хорошим бойцом. Он стремился оказаться среди лучших. И если для этого нужно освоить пятнадцатилетнюю программу упорных тренировок за три года, выслушивая при этом оскорбления и издевки Капитана, он с радостью обрек бы себя на такие страдания и сделал все, что от него потребуется.

С угрюмой решительностью Том внял совету своего товарища и, стараясь не раздумывать слишком долго, сделал шаг вперед. Сложил руки так, словно намеревается нанести удар по корпусу, однако в последнее мгновение вывернул запястье и сделал выпад вниз. Но Капитан был слишком хорош, чтобы поддаться на этот трюк. Он блокировал удар, однако Том среагировал на это довольно быстро и, перевернув лезвие меча Капитана кончиком своего собственного, легонько стукнул его по ребрам, обозначая порез.

Том никак не показал своего удовлетворения, но этого было и не нужно – лицо Капитана и так перекошило от ярости.

Некоторые из присутствующих захлопали, сопровождая аплодисменты ободряющими возгласами. Несмотря на свое положение, Капитан слыл грубым хвастуном и не пользовался популярностью среди воинов.

Каррик – самый главный зритель – рукоплескал в числе прочих, а когда закончил, подзвал Тома к себе.

– Неплохо, Макгован. Вижу, вы улучшаете свои навыки владения мечом.

Том кивнул в ответ на похвалу.

– Капитан многому меня научил.

Каррик вскинул темную бровь.

– А также преуспели в дипломатии. Пожалуй, вы действительно сможете стать рыцарем. – Его губы изогнулись в усмешке. – При условии, что и с верховой ездой у вас тоже порядок.

Том даже не попытался скрыть свое разочарование. Его неприязнь к лошадям (кстати взаимная) ни для кого не была тайной. Он ездил верхом, но крепко сцепив зубы и собрав в кулак волю и решимость.

– Боюсь, это не так, милорд.

Громко расхохотавшись, Каррик похлопал Тома по спине.

– Подыщем для вас покладистую молодую кобылку, которую вы сможете приручить самостоятельно. Да, кстати... – Граф многозначительно посмотрел на Тома. – Ваш проявленный несколько дней назад героизм произвел неизгладимое впечатление на нашу хозяйку.

Том еле заметно поморщился в ответ на попытку Эдуарда Брюса пошутить. Как и большинство мужчин в лагере, Каррик мог быть очень грубым, когда речь заходила о женщинах. Большой Том живьем содрал бы с сына кожу, если бы услышал хоть половину – или даже четверть – из того, что говорили о женщинах в лагере. Том не мог похвастаться происхождением, но его научили относиться с уважением ко всем женщинам без исключения. Из того, что видел Том, не все рыцари принимали близко к сердцу свой предполагаемый кодекс чести.

Но Каррик был не настолько плохим человеком. Том не относился к числу таких людей, но знал, что многие откровенно не любили «правую руку короля». Эдуард Брюс мог быть вспыльчивым и импульсивным, но на поле боя проявлял недюжинную смелость, свирепость и

решимость. Если время от времени он и выказывал ревность по отношению к старшему брату, в тени которого находился, то Том вполне мог понять его чувства. Ведь он и сам знал, каково это – стоять на ступень ниже.

– Ерунда, милорд, – произнес Том.

– Леди Марджори так не считает. Хотелось бы мне на это посмотреть. Вы действительно забрались туда? – Граф указал на конек скатной крыши замка.

Замок Ратерфорд представлял собой каменную четырехугольную башню, которые были особенно распространены в этих местах. Башня служила базой для графа и его людей, когда они совершали набеги на английские земли и разоряли гарнизон в Джедбурге, чтобы не допустить доставку провизии.

– Это проще, чем может показаться со стороны, милорд.

Эдуард Брюс посмотрел на Тома так, словно тот сошел с ума.

– Как, черт возьми, туда попал кот?

Том пожал плечами.

– Леди Марджори говорит, что один из мальчишек гонял его по крепостной стене, и кот попытался от него сбежать. Наверное, он был слишком напуган, чтобы попытаться спуститься вниз.

– Не пойму мотив вашего поступка, – сухо произнес Каррик. – Я бы точно не стал рисковать собственной шеей ради кота, но леди Марджори очень вам благодарна. *Очень.* Очаровательная вдова попросила, чтобы вы вошли в число тех, кто будет сопровождать ее в Йоркшир. – Том ответил не сразу, поэтому граф добавил: – Она спросила меня, какое положение вы занимаете в армии и есть ли у вас жена. Я ответил, что вы один из моих наиболее многообещающих солдат и до сих пор не женаты. Леди определенно вами заинтересовалась. Расставьте фигуры правильно и через несколько месяцев захватите свою «королеву» и станете хозяином этого замка.

Исходя из того, сколько внимания леди Марджори оказывала ему в последнее время, а также ее недвусмысленные прикосновения, Том не слишком удивился сказанному.

– Благодарю вас, милорд. Сделаю все, что в моих силах. Когда мне предстоит отправиться в путь?

– Послезавтра.

– Я не нужен вам для набегов?

Каррик покачал головой.

– В конце недели мы выдвигаемся в сторону Стерлинга. Встретимся с вами там. – Граф замолчал и задумчиво посмотрел на молодого человека. – Вы удивляете меня, Макгован. Я думал, вас обрадует новость о возможности жениться на богатой вдове. Ведь вы не скрываете своих амбиций. Подобный союз улучшил бы ваше положение и облегчил путь к достижению цели. Это хорошая партия. Лучше, чем мог бы надеяться человек вашего происхождения. Хотя я подозреваю, что вам помогает внешность. Я заметил, насколько вы популярны среди представительниц слабого пола. – Том воздержался от комментариев, словно ему было нечего сказать по этому поводу. Каррик нахмурился. – Или вы надеялись заключить другой союз?

Том покачал головой.

– Нет, милорд. Я доволен. Очень доволен, – добавил он, злясь на себя за собственную реакцию. Каррик прав: ему стоило трубить о своем везении на весь свет. Леди Марджори Ратерфорд была вдовой уважаемого рыцаря и обладала внушительным наследством в виде земель по обе стороны границы, а также замком близ Пиблза. Для Тома, в его положении, это была более чем выгодная партия.

Если сама леди и была слишком прямолинейна в намеках и походила на свою кошку, к которой была очень привязана (даже больше, чем к собственным детям, как успел заметить

Том), то эти недостатки с лихвой компенсировали ее молодость и привлекательность. К тому же она слыла превосходной хозяйкой. На подобный союз Том не смел и надеяться.

Он больше не был глупцом, потерявшим голову от любви. Разбитое сердце способствовало болезненному прозрению, излечившему его от всех иллюзий. Том прекрасно осознавал собственный статус и точно знал, что нужно сделать, чтобы этот статус повысить. И удачный брак – вернее союз – был одним из средств для достижения цели.

Элизабет преподавала ему отличный урок, и Том старался не думать о прошлом. Он двигался вперед, а когда вспоминал о ней, то уже не испытывал гнева или боли. Его рана больше не была свежей и воспаленной настолько, что малейшее прикосновение к ней заставляло его внутренности содрогаться в агонии. Нет, теперь в его сердце осталось лишь притупившееся ощущение потери и разочарования. И пустота, которую ничем нельзя заполнить.

Нет, Том не осуждал Элизабет. С его стороны было сумасшествием полагать, что она когда-нибудь посмотрит на него, как на потенциального жениха. Даже если бы их чувства были взаимны. Элизабет – не вдова ничем не выдающегося барона. Она Дуглас. И этим все сказано.

Губы Тома сжались. К сожалению, он не смог полностью оставить в прошлом свое детство и всех Дугласов. Казалось, каждый раз выслушивая очередную историю об удивительном подвиге Черного Дугласа на поле боя, Том возвращался к воспоминаниям о бывшем друге, а ныне враге. Том чертовски от этого устал.

Возможно, Джоанна и простила «сэра» Джеймса, но Том был не настолько великодушен.

Так что путешествие в Йоркшир вполне могло оказаться для него благом. В Англии Черного Дугласа боялись, а не боготворили. Его считали скорее монстром, нежели героем.

– Я буду готов, милорд. С нетерпением жду возможности сопроводить леди Марджори в ее владения, – ответил Том с гораздо большим энтузиазмом. – Можете быть уверены, я такой возможности не упущу.

Каррик кивнул.

– Хорошо. Продолжайте тренировки.

Том уже развернулся, чтобы уйти, когда к графу подбежал оруженосец с посланием в руках. Том успел сделать всего несколько шагов, и его окликнул Каррик.

– Макгован, постойте. – Он закончил читать послание и посмотрел на молодого человека. – Боюсь, вашей очаровательной вдовушке придется подождать.

– Милорд?

– Кажется, Дуглас сотворил очередное чудо. – Если кто-то и радовался победам Дугласа меньше Тома, то это был Эдуард Брюс, ну и еще Томас Рэндольф. – Он взял замок Роксбург, и мы должны помочь ему его разрушить.

Глава 4

Арчи определенно придется все объяснить. Элизабет была измотана к тому моменту, как утром въехала на коне в ворота замка Роксбург вместе с братом Джоанны Ричардом. Она спрыгнула на землю прежде, чем ей успели помочь, и, поморщившись, ухватилась за поясницу. Этому шестнадцатилетнему бездельнику придется за многое ответить. Не только за дикую усталость, но и за боль в спине после одной из самых ужасных ночей в ее жизни. Земля была такой же гостеприимной и теплой, как кусок льда. Если бы Элизабет знала, во что ввязывается, она вряд ли решилась бы последовать за своим братом-беглецом в Роксбург.

Элизабет поморщилась. Кого она пытается обмануть? Долгая дорога, боль в спине и бессонная ночь того стоили. Ведь они сулили возможность немного развлечься. Конечно же, она хочет вернуть домой своего негодника брата, но совсем не расстроится, если ей придется присутствовать в замке во время пира, который состоится в честь взятия Джейми важного стратегического объекта.

Узнав, что Арчи уехал незадолго до появления посыльного, Элизабет тотчас же приказала седлать коня и отправилась за ним следом. Ей уже не в первый раз приходилось пускаться вдогонку за одним из своих сводных братьев, чтобы за ухо притащить обратно домой. Пятнадцатилетний Хью вырос таким же своенравным и упрямым, как и остальные мужчины Дуглас. Нынешний же случай отличался тем, что Элизабет знала, куда направился Арчи.

Она не считала его вылазку опасной. Власть англичан в Шотландии распространялась лишь на несколько замков: Ботуэлл, Берик, Джедбург, Данбар, Стерлинг и Эдинбург. Последние два держали в осаде Брюс и Рэндольф, не позволяя находящимся в замках гарнизонам покинуть их пределы. Так что земли вокруг них считались безопасными. Во всяком случае, до июня, когда Эдуард II пригрозил снова двинуться на Шотландию.

И все же Элизабет взяла с собой сопровождающего, что оказалось весьма разумным, поскольку путники заметили английских рыцарей, патрулирующих земли к востоку от Селкирка. Старший брат Джоанны, еще один Томас, воевал вместе с Джейми, в то время как двадцатилетний Ричард был среди воинов, оставленных Джейми в замке для охраны его обитателей.

Но это была почти ненужная предосторожность. Англичане вряд ли сунулись бы в «населенный призраками» лес Эттрик. Поговаривали, что это настоящее прибежище снискавших дурную славу воинов-«призраков» Брюса. Эти люди, конечно же, не были настоящими призраками, но и обычными воинами их тоже нельзя было назвать. Их личности были окутаны завесой тайны, но будучи сестрой Джеймса Дугласа, Элизабет имела доступ к секретной информации. Подслушивание было ниже ее достоинства, но тем не менее на многое пролило свет.

Девушку сопровождали Ричард и еще один вооруженный воин. Им удалось нагнать Арчи к тому моменту, как они достигли Сент-Босуэлла и Ньютон-роуд. Элизабет послала воина назад в Блэкхаус, чтобы тот известил Джоанну о планах Элизабет отправиться в Роксбург.

Элизабет нахмурилась, сочтя странным то обстоятельство, что Арчи удалось от них ускользнуть. В свои шестнадцать лет ее брат был скорее страстным и импульсивным, нежели ловким и изворотливым. Ричард достаточно легко напал на его след, но затем потерял у Селкирка. Предполагая, что Арчи остановился на ночлег, когда стемнело, они проехали еще несколько часов после наступления полной темноты. К этому времени они находились уже на полпути к Роксбургу, и Элизабет решила остановиться на ночлег, а остаток пути проехать утром.

Передав поводья конюху, девушка повернулась к Ричарду, который выглядел таким же измученным, как и она.

– Найди чем перекусить и отдохни. Уверена, Джейми позволит нам перевести дух в течение нескольких дней, прежде чем мы отправимся в обратный путь.

Впрочем, Элизабет совсем не чувствовала той уверенности, с которой говорила. Ей повезет, если брат не отправит ее домой сию же минуту. Джейми наверняка придет в ярость, узнав, что его сестра проехала «половину Шотландии» лишь с одним сопровождающим. Это, конечно же, было бы преувеличением, поскольку проехали они в лучшем случае четверть. Элизабет собиралась напомнить брату, что это он во всем виноват. Ведь она предупреждала Джейми относительно того, что Арчи непременно выкинет какую-нибудь глупость, но он оставил братьев на попечение Элизабет, в то время как леди Элеонора навещала родственников в Англии. К тому же именно Джейми научил ее верховой езде и был не единственным Дугласом, знающим, как воспользоваться преимуществами местного ландшафта.

Они с Ричардом держались вдали от главных дорог, так что за исключением отряда англичан, увиденного издалека, не встретили никого, кроме торговцев и паломников. Последних вокруг было множество, благодаря близости Драйбургского и Мелрозского аббатств.

Ричард не стал перечить.

– Ты уверена, что тебе больше ничего не нужно? Я бы хотел увидеть брата и узнать у него подробности взятия крепости. – Ричард покачал головой. – Поверить не могу, что я это пропустил.

Элизабет улыбнулась.

– Ты говоришь совсем как Арчи. Да, ступай поищи брата, пока я ищу своего. Вернее, обоих.

Ричард удрученно улыбнулся. У него были такие же белокурые волосы, что и у Джоанны, явно унаследованные от предков викингов.

– Должен признаться, парень произвел на меня впечатление. Он скачет верхом и умеет прятаться лучше, чем я ожидал.

Элизабет тоже не была готова к подобной прыти своего брата. Она снова нахмурилась, когда Ричард поспешил в сторону строений, в которых, скорее всего, располагались казармы. Судя по тому, что во дворе замка уже кипела жизнь, вчерашние празднества не затянулись допоздна. Ведь как-никак это был религиозный праздник.

Привратник, впусивший путников в замок, наконец пришел в себя от потрясения при виде того, кто перед ним стоит. Он предложил сопроводить Элизабет к брату в Северную башню, но она отказалась. Чем меньше людей увидит, как Джейми выходит из себя, тем лучше.

За свои двадцать три года Элизабет повидала немало прекрасных замков, но даже по сравнению с величественными дворцами Франции, Роксбург был одним из самых впечатляющих.

В расположенном на холме между реками Туид и Тевиот и с трех сторон окруженным рвом с водой замке было огромное подземелье и, как насчитала Элизабет, восемь башен. Вокруг возвышалась крепостная стена в тридцать футов высотой и восемь толщиной. По сути это был огороженный стеной город. Проходя по просторному двору к величественной Северной башне, Элизабет в полной мере осознала значение совершенного ее братом подвига.

Господи, как ему это удалось? Элизабет не могла поверить, что ее брат смог взять эту прекрасно укрепленную крепость силами маленького отряда в шестьдесят человек. Не только Ричард хотел узнать детали.

По мере того как Элизабет приближалась к высокой круглой башне, доносящийся грохот становился все отчетливее. Увидев клубы пыли, девушка поняла, что Джейми времени даром не теряет. Его люди уже начали разрушать замок.

Элизабет понимала, для чего это делается, но ей все равно было грустно оттого, что от такого произведения архитектурного искусства скоро камня на камне не останется. Это станет

еще одним грехом англичан. Элизабет до сих пор не могла без слез вспоминать о собственном доме – замке Дуглас, – который его хозяин разрушил своими же руками.

Тремя годами ранее Джейми отвоевал замок у англичан и разрушил его до основания, чтобы он больше не достался врагу. Потерять дом подобным образом было ужасно. На протяжении нескольких недель Элизабет не могла справиться со своими переживаниями и злилась на Джейми. Со временем она поняла, почему брату пришлось так поступить, но принять это так и не смогла.

Оказавшись в комнате, походившей на помещение для караульных, Элизабет огляделась, но не увидела никого, кроме мужчин с лопатами, молотами и кирками, долбящих и крушащих стены. Очевидно, Джейми принимал посетителей не здесь. Должно быть, она зашла не в ту башню.

Элизабет уже развернулась, чтобы уйти, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Вернее, *кто-то*.

Господь всемогущий! Кровь словно отхлынула от тела Элизабет, а затем вернулась мощной горячей волной, от которой закололо под кожей. Один из работников снял рубаху. Это был крупный мужчина с очень – *очень* – развитой мускулатурой. Он стоял спиной к Элизабет и, каждый раз поднимая орудие – молот, как смогла разглядеть девушка, – его крепкие тугие мускулы начинали перекачиваться под кожей торса. Они напрягались на широких плечах, узкой талии и сильных руках. У девушки перехватило дыхание, и она остановила взгляд на его руках. Они казались такими же крепкими, как бревно стенобитного орудия. С такими руками можно было вообще обойтись без молота.

Щеки Элизабет обдало теплом при виде демонстрации такой грубой силы и выдающихся физических данных. Причин для смущения не было, ведь она и раньше видела мускулистых мужчин без рубах. Но ни разу такого, как... он.

Элизабет вдруг поняла, что она испытывает что-то совсем иное. Ведь смущение не обжигает все части тела, делая его настолько тяжелым, что становится трудно удержаться на ногах, от него не перехватывает дыхание и не начинает колотиться сердце. Смущение не вызывает дрожь.

Внезапно осознав, насколько бесстыдно она таращится на незнакомца, Элизабет постаралась отвести взгляд. Однако что-то на руке мужчины привлекло ее внимание и заставило посмотреть снова. Девушка заметила алый шрам в три дюйма длиной и полдюйма шириной на левом предплечье. Такой шрам можно получить, прислонившись к раскаленному куску железа.

Элизабет нахмурилась, пытаясь рассмотреть мужчину получше. Он был почти также высок, как ее брат, рост которого составлял шесть футов и пять дюймов. Столь рослые люди встречались нечасто и поэтому сразу приковывали к себе внимание. Темные, почти черные, как заметила Элизабет, волосы были подстрижены слишком коротко, чтобы завиваться. Зародившийся в груди трепет дрожью пробежал по спине. Не может быть, чтобы...

Мужчина обернулся, и до боли знакомый пронзительный взгляд голубых глаз практически пригвоздил Элизабет к земле.

Томми! Господи, это действительно он! Только вот выглядит он как-то... по-другому. Элизабет покачнулась, почувствовав, как подкашиваются ноги, и, чтобы не упасть, оперлась рукой о ближайшую колонну.

Но это было ошибкой.

Том не знал, что хуже: то, что к постоянно пополняющемуся арсеналу невероятных историй о подвигах Джеймса Дугласа добавилась еще одна, и теперь Тому приходится наблюдать, как тот купается в лучах славы, или то, что нужно выполнять непосильную работу, наводя порядок после действий Джеймса.

Оказалось, что грубая сила все же чего-то стоит. Особенно когда дело касается разрушения замков. За последние два года, когда человек, которого все называли Брюсом, завоевывал замок за замком, Тома оценили по достоинству.

Он надеялся распрощаться с молотом, став солдатом, но этой надежде не суждено было осуществиться. Приходилось не только размахивать молотом, чтобы разрушить стены, но и браться за починку оружия, чтобы заработать достаточно денег на покупку демона на четырех копытах – боевого коня.

В промежутке между взмахами молотом он вдруг содрогнулся.

Простой езды на этом дьявольском отродье было недостаточно – ему предстояло научиться сражаться, сидя верхом на одном из них. Господи, ему и так с трудом удавалось держаться в седле, сжимая поводья побелевшими от напряжения пальцами. Тому казалось, что даже самые покладистые животные превращались в диких брыкающихся жеребцов, когда он оказывался рядом. Даже маленькая лошадка, на которой он приехал, норовила его укусить.

С того момента, как он прибыл в замок вчера поздно вечером, Том пребывал в отвратительном настроении, которое ничуть не улучшилось после встречи лицом к лицу с героем дня. Проклятье, да после того, что сделал Дуглас, его можно было называть героем года.

Десятилетия.

Века, черт бы его побрал.

В последние несколько лет в народе и так ходили исполненные драматизма рассказы о хитростях и уловках, предпринимаемых при взятии замков Брюсом и его людьми, включая три рассказа о подвигах Джейми в замке Дуглас, Рэндольфа и Джейми в Линлитгоу и самого Брюса в замке Перт. Но на этот раз Джейми захватил самый большой и значимый замок, изрядно удивив всех.

Даже Брюса.

При нападении использовался очень хитрый план. Дуглас наблюдал за расположившимся в замке гарнизоном и, уловив подходящий момент, захватил его.

Поскольку замок Эдинбург находился в осаде, расположившиеся в Роксбурге англичане предположили, что внимание Брюса сосредоточено именно на Эдинбурге. И они не ошиблись. Только вот Дугласа он совсем не интересовал. Воспользовавшись проходящими в тот момент празднествами по случаю последнего дня перед Великим постом – так называемое «прощание с мясом», – Дуглас и еще около шестидесяти человек из его отряда нарядились в черные плащи, проползли на четвереньках через поле, смешавшись с пасущимися на нем быками, и поднялись на стены замка с помощью недавно изобретенных веревочных лестниц. Застигнутая врасплох, большая часть гарнизона сдалась. Несколько солдат, включая хранителя замка гасконца Гуиллемина Файнса, попытались укрыться в одной из башен. Но одна стрела из миллиона выпущенных горцем Грегором Макгрегором ударила командира гарнизона чуть ниже глаза, когда тот попытался выглянуть из бойницы. Он сдался, и гарнизону было позволено с поражением вернуться в Англию.

Когда Том услышал эту историю, то лишь вскинул бровь. Заметив это, Дуглас поинтересовался, в чем дело. В ответ Том, не удержавшись, с сарказмом спросил, точно ли были пусты кладовые замка. Этим вопросом он намекал на самое «черное» деяние Дугласа, когда тот сбросил тела мертвых англичан в кладовую замка Дуглас и предал его огню.

Дуглас побагровел от злости, и Том на мгновение подумал, что они вновь поколотят друг друга. Проклятье, после того как он всю жизнь держал язык за зубами, подчиняясь «лорду», эта драка принесла бы ему небывалое облегчение. В сражении на мечах он не выстоял бы против Дугласа и пары минут, но в кулачном бою ему не было равных.

Грубая сила.

Да, он действительно был хорош и поэтому испытал раздражение, когда Дуглас, проигнорировав его нападки, повернулся к Каррику и сообщил, где его люди смогут взять молоты и

другие инструменты для работы. Сами же они направились в большой зал, чтобы принять дань уважения от дворян и других землевладельцев этого района.

Том нанес еще один мощный удар по стене ненавистным молотом и услышал треск. Слава богу. Камни наконец поддались.

Они трудились над этим участком стены все утро, делая под ней подкопы, чтобы потом расшатать камни молотами и кирками. В какой-то момент все уже были готовы поджечь деревянные опоры, чтобы, если повезет, вся эта конструкция изогнулась бы и рухнула сама по себе. Но как именно это произойдет, никто поручиться не мог. Поэтому Тому оставалось лишь надеяться, что он окажется достаточно далеко в этот момент.

– Осторожно, – обратился он к одному из работников. – Не стоит бить по стене слишком сильно. Она уже шатается.

Мужчина остановился, обернулся и его глаза округлились – он увидел что-то у Тома за спиной.

– Если эта девица настоящая, я отдал бы левую руку, чтоб она взглянула на меня так же, как смотрит сейчас на тебя. Она твоя?

Том обернулся через плечо и замер. Увиденное оказалось столь неожиданным, что он не успел подготовиться. На мгновение он вновь превратился в мальчишку, взирающего на башню в полной уверенности, что увидел там принцессу. И вся тоска, все восхищение и остальные чувства нахлынули на него мощной волной.

Элла.

Он замер, вспоминая. Нет, не Элла. Элизабет. Для него – леди Элизабет. Часть его жизни, что осталась в прошлом.

– Она не моя.

И никогда не была.

Но что, черт возьми, она здесь делает? Посреди этого бедлама, где стены могут рухнуть в любое мгновение. Неужели она не понимает, как это опасно?

И почему, черт возьми, она смотрит на него, как на животное в зверинце?

Элизабет пошатнулась, будто у нее началось головокружение. Машинально, как он уже проделывал это много раз прежде, Том рванулся к ней, чтобы подхватить. Но она стояла слишком далеко.

Должно быть, Том догадался, что она собирается сделать и поспешил к ней, пока она не успела схватиться рукой за опору. Ту самую, что поддерживала ослабевшую от ударов стену.

Том закричал, чтобы Элизабет отошла в сторону, но было слишком поздно. Словно в замедленном кошмаре он наблюдал за тем, как рушится стена.

На оцепеневшую от ужаса Элизабет посыпались камни, пыль и обломки дерева.

Господи, прямо ей в голову летел огромный камень. Чувствуя, что сердце колотится где-то в горле, Том рванулся вперед, грубо оттолкнул девушку в сторону и повалил ее на пол.

Рухнув на Элизабет, Том приготовился принять на себя основной удар падающих камней. Он застонал от боли, когда один – довольно внушительных размеров – ударил его по плечу. Мелкие обломки забарабанили по его спине, ногам и руке, которой Том закрывал голову девушки. В следующий раз он не станет снимать с головы шлем. Но работать было слишком жарко, и Том страшно потел...

Потел.

Проклятье. Внезапно он осознал сразу две вещи: оседавшая пыль показала, что Элизабет не пострадала, а он переживал одну из своих фантазий.

Их у него было множество.

Но самой желанной, особенно в первые несколько месяцев после отъезда из Дугласа, была мечта снова увидеть Элизабет в белоснежном платье и испачкать его грязными от работы руками. Что было такого в этом первозданном совершенстве, что вынуждало Тома желать его

нарушить? Почему он хотел провести своими большими мозолистыми руками кузнеца по безупречной молочно-белой коже Элизабет?

Он представлял ее мягкое обнаженное тело под своим, как касается ее горячей влажной кожи, снова и снова погружаясь в ее лоно. Он представил, как она, с виду исполненная ледяного холода, тает от страсти, как покрасневшее лицо девушки покрывается капельками пота, как умоляет его взять ее еще сильнее и грубее. Том представлял, как ее пальцы впиваются в его плечи, а стоны нетерпения перерастают в отчаянный крик. А после она лежит на нем с запутавшимися в простынях ногами, растрепавшимися волосами и изнуренным выражением лица.

Сегодня Элизабет не надела белое платье, но торс Тома был обнажен и его покрывали капельки пота, а пальцы девушки впивались в его плечи. Теперь, когда она лежала под ним, было чертовски легко представить все это в красках. Плоть Тома стала невероятно напряжена, и на одно мучительно прекрасное мгновение он оказался между ног Элизабет. Кровь с бешеной скоростью заструилась по жилам, в висках застучало. Желание податься вперед – покачнуть бедрами – стало поистине непреодолимым.

Том немного приподнялся, чтобы взглянуть девушке в глаза, но сделал он это напрасно. В них отражался ужас и... что-то еще... Что-то, заставившее Тома подумать – пусть всего лишь на мгновение, – что он не ошибся. Будто Элизабет испытывала к нему нечто большее, совсем не дружеское чувство. Что она возбуждена так же, как и он.

И что она наконец видит его.

Элизабет взяла Тома за подбородок своей миниатюрной рукой, и ему показалось, что к его коже прижали раскаленное клеймо.

– Ты всегда спешишь ко мне на помощь, верно, Томми? Как мне отблагодарить тебя на этот раз?

В эту игру они играли детьми.

В игру, черт бы ее побрал. Ничего не изменилось. Кроме того, что он перерос эти игры много лет назад.

Том хотел уже сказать – причем весьма недвусмысленно, – как она может его отблагодарить, но за его спиной раздался знакомый голос:

– Убирайся прочь от моей сестры, грязный мерзавец!

Сказать, что она была ошеломлена, значило, не сказать ничего. На мгновение Элизабет лишилась способности дышать. Воздух, казалось, был заперт в ее легких где-то рядом с сердцем, которое будто остановилось со скрипом. Очевидно, рассудок ее тоже находился в помутнении, поскольку первой мыслью было не облегчение от того, что ее не раздавила груда камней, а лишенное смысла осознание того, насколько красив Том.

Элизабет моргнула несколько раз, чтобы избавиться от замешательства. Но Том ей не привиделся. Пронзительные голубые глаза, волевой подбородок, крепкие скулы, не раз сломанный нос, густые брови и темные, почти черные волосы – это все черты Томми, и он, несомненно, красив.

Потрясающе. Ее сердце замерло, голова закружилась. Господь всемогущий, как это случилось? Когда?

Вторая мысль Элизабет тоже была не о благодарности за спасение. И третья, раз уж на то пошло. Все ее мысли крутились лишь вокруг большого, слегка вспотевшего, наполовину обнаженного тела, прижимающего ее к земле, которое выглядело и ощущалось таким же крепким и твердым, как камни, едва не обрушившиеся на ее голову. Элизабет так же думала о том, что это самое тело должно было ее расплющить, но этого не случилось. Ей было приятно чувствовать Тома на себе. В самом деле очень приятно. Даже несмотря на то, что он был настолько

тяжелым и горячим. Элизабет словно лежала у раскаленного горна. Ее пальцы практически горели, когда она их вонзила или, вернее, попыталась вонзить в стальные мышцы Тома.

Господь всемогущий, как же он силен! Конечно же, Элизабет это знала и раньше. Да и как она могла этого не замечать, когда почти ежедневно наблюдала за тем, как он работает? Но одно дело – просто смотреть, а другое – в буквальном смысле ощущать эту силу каждой клеточкой своего тела.

Все ее чувства вдруг резко обострились: нервные окончания покалывало, а кожа вдруг словно натянулась и стала слишком чувствительной. И горячей. Невероятно горячей. Расплавляюще горячей. Устремляющей свой жар в самые потаенные уголки тела.

О господи, да что с ней такое?

Лишь когда Элизабет взглянула в его глаза, ее сознание немного прояснилось. Знакомый взгляд стал якорем в буре смятения.

Томми.

Вздыхнув от облегчения, Элизабет пошутила. Но, судя по выражению лица Тома, шутка не удалась.

Девушка все еще пыталась понять, что она опять сказала не так, когда ход ее мыслей прервал голос брата.

Томми буквально оттащили от нее, и Элизабет вдруг ощутила себя... обделенной. Не говоря уже о холоде и странном чувстве разочарования.

– Какого черта ты творишь? – заорал Джейми на Томми.

В мире существовало не так много людей, способных спокойно выдержать крик Черного Дугласа, но Томми был одним из них. Даже в детстве он мог противостоять Джейми так, как не решался больше ни один из деревенских мальчишек. Тогда он смотрел на него так же, как сейчас: со спокойным и непроницаемым лицом. И это бесило Джейми. Хотя во взгляде Тома не было вызова или непокорности. Он просто умело держал себя в руках.

Внешне Том напоминал скалу. Крепкий, стойкий и невозмутимый. Он не собирался отвечать на провокацию со стороны Джейми, несмотря на кипящий в душе гнев. Во всяком случае, так было, в Дугласе, до той последней ссоры Тома с Джейми, положившей конец их дружбе. Но изменилось ли что-то сейчас?

На этот раз Томми лишь еле заметно вскинул бровь.

– А на что это было похоже?

В его голосе прозвучал какой-то намек, которого Элизабет не поняла. Но зато его понял тот, кому он был адресован. Глухо зарычав, Джейми двинулся на бывшего друга.

– Я убью тебя, и мне плевать, что на это скажет Каррик.

Самостоятельно поднявшись на ноги, поскольку мужчины были слишком заняты тем, что пытались испепелить друг друга взглядами, Элизабет бросилась к брату.

– Подожди, Джейми! – Она заслонила собой Томми, лениво сложившего руки на груди, и взирающего на Джейми так, словно ему не было никакого дела до того, что ему в лицо вот-вот угодит кулак. – Он спасал мне жизнь! Вот что он делал! – пояснила девушка. Она взмахнула рукой, указывая на грудь камней под ногами. – Неужели ты не заметил только что рухнувшую стену? Камни разможили бы мне голову, если бы Томми не оттолкнул меня в сторону. – Элизабет закусил губу и повернулась, чтобы посмотреть на Тома. Для этого ей пришлось запрокинуть голову. – Ты ранен?

Том на мгновение посмотрел ей в глаза. В его взгляде чувствовалось напряжение, которого она не могла разгадать. Элизабет готова была отдать все, чтобы прочитать его мысли.

– Нет.

Элизабет не знала, верить ему или нет, тем более что его взгляд заставлял ее чувствовать себя довольно необычно – сердце странно трепетало, – поэтому она отвела глаза в сторону брата и гневно посмотрела на него.

– Ты должен его поблагодарить.

Не в силах отрицать очевидного, Джейми сделал шаг назад.

Элизабет ждала. В отличие от Томми, ее брат не мог скрывать собственные мысли, и сейчас его взгляд говорил, что «упрямство» побеждает «здоровое решение».

Элизабет подбоченилась.

– Ну?

Только сейчас к Элизабет пришло осознание, что Джейми пришел не один. К тому же у стены трудились рабочие. Так что зрителей оказалось предостаточно. А это означало, что не меньше дюжины человек станут свидетелями того, как Черный Дуглас приносит извинения. Он был напряжен, точно тетива лука, руки сжаты в кулаки, а рот скривился так, словно он только что выпил свернувшееся молоко. И все же Джейми произнес:

– Кажется, я должен перед тобой извиниться. Я не сразу понял...

Но внезапно он понял другое.

Весь свой гнев, предназначавшийся Тому, Джейми обрушил на сестру.

– Ты могла погибнуть! Черт возьми, Элизабет, неужели ты не понимаешь, насколько это опасно? И какого черта ты вообще здесь делаешь?

Забыв об извинениях, Джейми с подозрением посмотрел на Тома, и девушка ощутила, как тот напрягся у нее за спиной.

Сдвинув брови, Элизабет посмотрела на своего грозного брата. Она знала, что его гнев вызван беспокойством, но он ошибался в своих предположениях.

– Я искала тебя. Мне сказали, что ты в Северной Башне.

– Я действительно там был. Но это Сторожевая Башня.

– Да, я поняла это слишком поздно. Я уже собиралась уходить, когда ненароком обрушила стену.

Элизабет сочла благоразумным не объяснять, что схватилась за стену в попытке удержаться на ногах от шока, испытанного при созерцании полуголого мужчины.

И не просто какого-то полуголового мужчины.

Взгляд Джейми переключался на Тома, а потом опять на сестру.

– А как ты вообще оказалась в Роксбурге? Насколько я помню, ты должна была ждать меня в Блэкхаусе, куда я собирался приехать за тобой, закончив свои дела. Здесь не место для леди.

Элизабет показалось, или ее брат сделал упор на последние слова специально для Тома? Возникшее между мужчинами напряжение было почти осязаемым.

Джейми вел себя так, словно она приехала в Роксбург в поисках Томми. Но это не имело никакого смысла. Ее брату стоило догадаться, почему она здесь. Элизабет сдвинула брови.

– Я приехала за Арчи. Чтобы забрать его.

Джейми больше не смотрел на Тома. Его взгляд полностью сосредоточился на сестре.

– О чем ты говоришь?

Сердце девушки упало, а пульс участился от охватившей ее паники.

– Вчера Арчи взял коня и уехал, чтобы присоединиться к тебе. Я последовала за ним, хотела его вернуть, но так и не догнала, и была уверена, что он здесь, с тобой.

Джейми покачал головой, и по угрюмому выражению его лица Элизабет поняла, что он скажет в следующее мгновение.

– Арчи здесь нет.

Глава 5

После угрожающего заявления Джейми брат сестрой удалились в королевские покои в Северной Башне, соединенной со Сторожевой Башней так подходяще названной Северной Грядой.

Джейми увел сестру за собой так быстро, что у нее не было возможности поговорить с Томми, хотя его пустой взгляд вовсе не располагал к беседе. Элизабет решила, что разыщет его позже.

Ведь сначала ей нужно побеспокоиться об Арчи. Она старалась не слишком волноваться, но чувствовала, что Джейми тоже обеспокоен. Он отправил слугу за Ричардом, и они вместе с еще одним братом Джоанны Томом и другими рыцарями уселись на скамьях вокруг стола.

Глаза Джейми казались почти черными, когда он своим взглядом буквально пригвоздил сестру к скамье.

– И ты проехала половину Шотландии, взяв с собой всего одного сопровождающего?

Нет, правда, как же он предсказуем.

– Сейчас речь не обо мне. Нам необходимо найти Арчи. Куда еще он мог направиться?

Элизабет не сомневалась: позже ей придется заплатить за подобное своеволие, – но сейчас беспокойство Джейми за брата победило.

– Ты уверена, что он поехал сюда?

Закусив губу, Элизабет принялась беспокойно тереть пальцы.

– Нет, но после нашей перепалки я предположила... – Элизабет поведала Джейми о ссоре с братом накануне вечером, – что он направился сюда. Во всяком случае, до Селкирка мы ехали по его следам.

– Да, милорд, – вставил Ричард. – Я с легкостью выследил его, но в городе потерял.

Выругавшись, Джейми провел рукой по волосам. Он осуждающе посмотрел на сестру.

– Ты должна была следить за ним.

Элизабет прищурилась. Она понимала, что Джейми расстроен, но это не давало ему права срывать свой гнев на ней.

– Чего ты от меня ожидал? Чтобы я держала его взаперти? Он глупый и ужасно упрямый шестнадцатилетний мальчишка, которому захотелось доказать собственную значимость и неуязвимость. Или ты не можешь себе такого представить? – Джейми с трудом удержался, чтобы не улыбнуться. – Я запретила ему покидать замок. Но он украл коня, пока остальные мужчины охотились. Никто не замечал его отсутствия до тех пор, пока я не отправилась на поиски. У него было всего несколько часов форы.

Поднявшись со своего места, Джейми подошел к сестре и заключил ее в объятия.

– Черт, прости. Я знаю, что это не твоя вина. Не волнуйся. Я уверен, что мы быстро его найдем.

Глядя в большое красивое лицо брата, Элизабет ощутила, как на глаза наворачиваются слезы.

– Ты так думаешь?

Джейми поцеловал ее в лоб.

– Знаю. Я лично возглавлю поисковый отряд.

Облегченно вздохнув, Элизабет наблюдала за тем, как Джейми отдает приказы своим людям. Если он сказал, что разыщет Арчи, то непременно сдержит слово. В отношении военных приемов Элизабет полностью могла положиться на брата.

Хотя в сложившихся обстоятельствах не мешало заручиться поддержкой других людей. Дождавшись, пока Джейми освободится, Элизабет отвела его в сторону.

– Кто-то из «призраков» здесь?

Лицо Джейми сделалось отстраненным и непроницаемым.

– Не понимаю, о чем ты.

Девушка закатила глаза.

– Ей-богу, Джейми, об этом не трудно догадаться. Хотя я не понимаю, почему ты до сих пор к ним не присоединился, поскольку все равно воюешь с ними бок о бок. – Элизабет принялась перечислять имена людей, постоянно находящихся рядом с Джейми: Грегор Макгрегор, Кеннет Сазерленд, Магнус Маккей, Юэн Ламонт, Йен Маклин и Робби Бойд. Сестра также знала, что Алекс Сетон тоже был одним из «призраков», но недавно перешел на сторону англичан.

– Как, черт возьми... – Джейми прищурился. – Проклятье, Элла, ты уже слишком взрослая, чтобы подслушивать под дверь. – Джейми бросил на сестру взгляд, призванный запугать. Только на Элизабет он не произвел никакого впечатления.

Джейми незамедлительно вышел из комнаты, не подтвердив и не опровергнув ее предположений. Однако, когда спустя час он выехал за ворота замка, девушка с облегчением заметила, что его сопровождали четыре человека из тех, кого она упомянула ранее.

Все будет хорошо. Ее брат и «призраки» Брюса – или, как они себя называли, Хайлендская гвардия, – непременно найдут Арчи. Элизабет удалилась в отведенные ей покои, чтобы принять ванну, поесть и отдохнуть, уверенная в том, что, проснувшись, устроит своему младшему брату такую взбучку, какой он еще долго не забудет.

Элизабет пыталась не паниковать, когда ее брат со своими людьми не вернулся к вечерней трапезе. Она надеялась улучшить минутку, чтобы поговорить с Томми, но его не оказалось среди двух сотен воинов, собравшихся в Большом Зале, чтобы перекусить.

В последние годы Элизабет скучала по Томми. Но насколько сильно, она поняла, лишь увидев его снова. С того самого момента, как он покинул отчий дом, в жизни Элизабет появилась пустота. И вот теперь, когда ей представилась такая возможность, она вознамерилась все исправить. Нельзя продолжать жить так, словно они чужие, ведь их дружба длилась слишком долго.

Когда Элизабет спросила у Эдуарда Брюса, где она может найти Тома, тот ответил, что не видел Макгована с того самого момента, как несколькими часами ранее его люди закончили работы в башне. Безразлично пожав плечами, Брюс предположил, что Том уехал в город со своими товарищами. Также добавил, что парень пользуется популярностью. И, судя по тому, как Каррик это произнес, Элизабет поняла, что он имеет в виду женщин.

В этот момент в разговор вмешался сидящий рядом мужчина.

– Он не в городе, милорд. – Мужчина повернулся к Элизабет: – Если вы ищете Макгована, миледи, то он дожидается лекаря.

– Кого? – Элизабет не осознавала, что вскочила со своего места, пока не заметила устремленные на нее взгляды.

Мужчина – а вернее, парень восемнадцати лет – покраснел от смущения. Девушка поняла, что он один из оруженосцев графа.

– Я вовсе не хотел напугать вас, миледи. Ничего серьезного. – Он сдвинул брови. – Макгован не смог бы размахивать молотом целый день, если бы сломал плечо.

Но Элизабет больше не хотела ничего слышать.

– Где? – спросила она.

Парень – Генри – указал в сторону аптеки, которая, по его словам, располагалась рядом с кухней на другой стороне сада.

Оказавшись в темноте и холоде после тепла большого зала, Элизабет не стала возвращаться за плащом. Отыскать нужное место оказалось не так просто, как ей представлялось – пришлось несколько раз остановиться и спросить дорогу. Но, наконец, она нашла нужную

дверь и ворвалась в маленькое тесное помещение, запыхавшаяся и замерзшая, с разметавшимися от ветра волосами.

Однако все это отошло на второй план, когда она увидела мужчину, сидящего на стуле спиной к ней. Он снова был без рубашки, но на этот раз Элизабет не заметила ни широких плеч, ни узкой талии или стальных мускулов. Все ее внимание сосредоточилось на огромном кровоподтеке, покрывавшем большую часть правого плеча Тома.

Крик застрял в ее горле.

Том обернулся, и их взгляды встретились.

– Ты ранен! – с осуждением воскликнула Элизабет.

– Ерунда, – ответил Том нарочито вежливым тоном, с нотками раздражения. – Благодарю вас за беспокойство, миледи, но вам стоит вернуться в зал.

Не дожидаясь ответа, Том снова повернулся к Элизабет спиной. Он явно ждал, что она уйдет. Что ж, в таком случае он будет разочарован. Ничуть не смущенная холодным тоном Тома и сквозящей в нем неприязнью, Элизабет закрыла за собой дверь и пересекла комнату.

В отличие от Тома, находящаяся в помещении целительница не собиралась ее игнорировать. Только сейчас Элизабет поняла, насколько женщина молода и привлекательна: похожая на эльфа рыжеволосая зеленоглазая красавица взирала на нее с неподдельным любопытством.

– Элизабет Дуглас, – представилась девушка. – Я виновата в том, что он получил ранение. Это перелом?

– Ах да, – с улыбкой произнесла женщина. – Вы сестра Джейми. То-то мне показалось знакомым ваше лицо. Много лет назад мы встречались на Играх горцев, которые проводились в замке вашего дяди Стюарта на острове Бьют. Мой отец граф Сазерленд. А я Хелен Маккей.

Маккей... Элизабет хватило секунды, чтобы провести параллель.

– Анг... – Она хотела назвать ее Ангелом, но потом осеклась. Ведь она не должна была знать о том, что леди Хелен являлась лекарем «призраков». Глаза женщины заметно округлились. Она поняла, что хотела сказать Элизабет. – Вы жена Магнуса Маккея, – произнесла девушка. – Я слышала, как Джейми говорил о вас.

Значит, Томми в хороших руках.

Губы Хелен еле заметно дрогнули.

– Я так и поняла. Но ответчу на ваш вопрос: перелома нет. Хотя, как я уже объяснила Тому, он сделал только хуже, работая целый день с такой травмой. Уверена, ему было чертовски больно размахивать молотом или киркой. Если испытываешь боль, – назидательно, как если бы разговаривала с ребенком, произнесла она, – не стоит продолжать делать то, что ее причиняет.

– Все было в порядке, – упрямо пробурчал Том.

Однако обе женщины вели себя так, будто его не слышали. Мужчины становятся такими смешными, когда речь заходит о том, чтобы признать, что им больно. Для этого Элизабет не нужен был лекарь. У нее было три брата.

– Теперь ему несколько дней придется носить повязку. До тех пор, пока не спадет воспаление, – продолжила леди Хелен. – Я нанесла на рану успокаивающую мазь. Но нужно будет повторить это снова перед сном и на следующее утро. И еще необходимо, чтобы кто-то помог перевязать ему руку.

– Я могу...

– Попрошу одного из своих товарищей, – произнес Том, обрывая Элизабет на полуслове недовольным взглядом. – А вам стоит вернуться в зал, леди Элизабет. Потому что здесь вам не место.

Если Хелен и удивила грубость Тома, то она не показала этого.

– Поскольку я виновата в том, что ты получил травму, то мне здесь как раз самое место, – возразила Элизабет.

– Сомневаюсь, что ваш брат с этим согласится. Может, спросим его мнение?

Однако в ответ на угрозу Элизабет лишь мило улыбнулась.

– Непременно. Когда он вернется.

Хелен переводила взгляд с Тома на Элизабет и изо всех сил постаралась не рассмеяться, когда девушка замолчала.

– Вы мне покажете, как это делается? – спросила она у Хелен. – Мне нужно убедиться, что я все сделаю правильно.

– Проклятье, я не хочу...

– Уверена, у леди Хелен есть и другие пациенты, которым требуется помощь, – произнесла Элизабет, перебив Тома. – Хочешь тратить время на споры или позволишь мне перевязать твое плечо? Господи, Томми, можно подумать, я никогда не дотрагивалась до тебя прежде.

При этих словах Хелен вскинула голову, и Элизабет покраснела, поняв, насколько двусмысленно они прозвучали. Но, по крайней мере, Том понял, что она никуда не уйдет. Он закрыл рот, недовольно посмотрел на девушку и отвернулся к стене. При этом стиснув челюсти так яростно, что оставалось лишь удивляться тому, что его зубы не раскрошились.

Если бы Элизабет не так хорошо знала Тома, то могла бы подумать, что он не просто проявляет упрямство, а действительно не хочет ее видеть. Но ведь она его знает... не так ли?

Элизабет не могла не признать, что подобное безразличие со стороны Тома очень ее смущало. Он не просто делал вид, будто не знает ее. Он пытался вести себя так, словно и не хотел знать.

Леди Хелен передала Элизабет свернутую в рулон полоску чистой ткани и показала, как перевязать плечо и обмотать ткань вокруг грудной клетки, чтобы закрепить повязку. Несмотря на ее слова о том, что она дотрагивалась до Тома и прежде, он оказался не единственным, кто подскочил, когда Элизабет прижала ткань к его коже. Девушка почувствовала себя так, словно ее поразила молния.

– Прости, – произнесла она, придя в себя от потрясения. – Я причинила тебе боль?

Том пробормотал в ответ нечто похожее на ругательство, а потом недовольно пробурчал, чтобы она поскорее заканчивала перевязку.

Вот теперь это был прежний Томми. Поэтому Элизабет вполголоса проворчала что-то о грубых, раздражительных мальчишках, которые слишком горды и упрямы, и не признают, что им больно.

С помощью Хелен ей не потребовалось много времени на перевязку плеча. Удовлетворенно осмотрев работу, Хелен сказала, что Том может надеть рубашку. Благодаря свободному крою, он смог сделать это самостоятельно, несмотря на то, его правая рука почти не поднималась. Элизабет догадалась, что суть повязки состояла именно в том, чтобы не дать Тому шевелить рукой. Надеть кожаный жилет оказалось труднее, но Том справился с помощью Хелен.

Не глядя на Элизабет, он поблагодарил Хелен, схватил свою накидку и оружие и направился к двери.

Обменявшись с Хелен удивленными взглядами, Элизабет поспешила за ним следом.

– Томми, подожди! Я хотела...

«Поговорить с тобой...» Однако ее оборвал на полуслове стук затворяющейся двери.

Элизабет заморгала, словно не могла поверить, что Том захлопнул дверь прямо у нее перед носом.

Поспешно извинившись перед Хелен (хотя она и не понимала, почему извиняется за грубость Тома), Элизабет пошла за ним. Вернее, даже побежала, поскольку он шел очень быстро.

– Томми! – ее голос зазвучал громче. – Томми, подожди!

Находящиеся во дворе люди смотрели на нее. К сожалению, Том в их число не входил. Он не останавливался до тех пор, пока она не поравнялась с ним и не схватила за руку, чтобы наконец завладеть его вниманием. Они находились в нескольких футах от казарм, где жили

солдаты и рабочие, и горящие возле входа факелы отбрасывали достаточно света, чтобы Элизабет смогла разглядеть лицо Тома.

– Господи, Томми, я же попросила подождать. Ты меня не слышал?

– Я прекрасно тебя слышал. Думаю, тебя услышали даже англичане по другую сторону границы. Но я не услышал вопроса.

Элизабет сдвинула брови.

– Ты не дал мне возможности его задать. Я хотела попросить тебя поговорить со мной.

– Нет, благодарю покорно, – ответил Том все тем же нарочито вежливым тоном, что и раньше. Он попытался уйти. И сделал бы это, если бы Элизабет не преградила ему путь. Вернее, попыталась преградить, но когда их тела соприкоснулись, она поняла всю тщетность своих попыток. Это было все равно что удариться о каменную стену. Тому даже пришлось подхватить ее, чтобы она не упала.

Он поставил ее на ноги и тут же отдернул руки, словно коснулся чайника с кипятком.

– Черт возьми, Элизабет, ты когда-нибудь смотришь под ноги? Никогда не встречал человека, которому было бы так трудно устоять на ногах.

Эти слова были так похожи на те, что он говорил ей много лет назад, и Элизабет улыбнулась.

– Я связала свои ботинки вместе, помнишь?

Именно этой шуткой Том пытался объяснить ее неуклюжесть в детстве. Элизабет больше не спотыкалась так часто, а когда это случилось в последний раз, Тома уже не оказалось рядом, чтобы ее подхватить. Дело закончилось вывихнутой лодыжкой.

Элизабет всегда удавалось развеять его дурное настроение смешной историей или добродушным подшучиванием, но теперь стало ясно, что подобное ей больше не по плечу. Выражение лица Тома совсем не располагало к шуткам. На нем отражалась неуверенность, легкое раздражение и нетерпение.

А еще он был мрачным и поразительно красивым. Элизабет не могла перестать смотреть на знакомые черты, удивляясь тому, что они стали совершенно другими.

Она вдруг поняла, что за последние три года серьезные изменения претерпела не только внешность Тома. Перемены были куда глубже. Грубый, неразговорчивый воин с беспощадно поджатыми губами и холодным острым взглядом не имел ничего общего со сдержанным и стойким другом детства. Если бы Элизабет не знала его так хорошо, она могла бы подумать, что он выглядит пугающим. Или даже свирепым.

Однако было ясно, что прошедшие несколько лет были тяжелыми для него, и Элизабет внезапно захотелось услышать обо всем, что с ним случилось за это время. Узнать о нем все. Как это было в детстве.

– Что тебе нужно, Элизабет? Говори. Я устал и хочу лечь в постель.

Элизабет подняла глаза и принялась вглядываться в лицо Тома в поисках черт человека, которого она помнила. При этом пытаясь понять, как ей пробиться через непреступную броню, которой он себя окружил. Она не могла оставить все как есть. Ибо Том был слишком важен для нее. Он всегда был единственным, на кого она могла положиться, тем, кто всегда был рядом – даже когда не был, она это чувствовала. Мысль о том, что она больше никогда его не увидит, не сможет с ним поговорить, была просто невыносима. Она в нем нуждалась. Но до этого момента не понимала, насколько сильно.

Элизабет постаралась ничем не выдать своей боли.

– Я просто хотела с тобой поговорить.

– А мое желание неважно?

Девушка сделала шаг назад, не понимая, в чем он ее обвиняет.

– Конечно, важно. Но, Томми, прошло три года. Я думала, что тебе тоже захочется со мной поговорить. А еще я надеялась, что ты больше не злишься на меня за то, что произошло во время нашей последней встречи. Ты так и не дал мне шанса извиниться.

– Я на тебя не злюсь. С какой стати? Ведь это была моя вина. – Он говорил так спокойно, так безразлично, и было трудно поверить, что этот же человек мог пылать страстью. Элизабет даже захотелось, чтобы он снова на нее разозлился. Ведь в этом случае она поняла бы, что не совсем ему безразлична. – Тебе не за что извиняться. Прости, если я тебя обидел. Не бойся, подобное больше не повторится. Теперь я все прекрасно понимаю.

Элизабет не знала, что он пытается сказать. Значило ли это, что он больше не испытывает к ней чувств? Она испытала облегчение. Конечно, испытала. Ведь теперь они снова смогут стать друзьями.

– У меня никогда не было намерения причинить тебе боль, Томми. Ты ведь знаешь это?

Том пристально смотрел на девушку, словно хотел ответить отрицательно, но в конце концов уступил ее искренности.

– Да.

Это стало первой трещиной в его стальном фасаде, но вместо того, чтобы отступить и проявить терпение, Элизабет перешла в наступление.

– Значит ли это, что мы можем снова быть друзьями? – Она подняла руку и коснулась ладонью его щеки, покрытой более густой и грубой, чем прежде, щетиной. От этого ощущения по ее спине пробежали мурашки, и она произнесла: – Я по тебе скучала.

Том вздрогнул. Элизабет ощутила покрывавшие его ладонь мозоли, когда он обхватил ее запястье и убрал руку со своей щеки.

– Ты больше не можешь так ко мне прикасаться, Элизабет. Мы не дети. Кто-то может увидеть это и неправильно истолковать. Твой брат, например.

Девушка сдвинула брови.

– Джейми может убираться к черту. Мне все равно, что он думает.

– Мне бы хотелось сказать то же самое. Но в данном случае он будет прав. Ты и я... Нет никаких нас. Мы не можем вернуться к тому, что было. Я уже давно перестал быть Томми, да и ты больше не Элла. У нас разные жизни. Я солдат. А ты сестра Черного Дугласа. Мы живем в двух разных мирах. Тебе нужно вернуться в свой, оставив меня в моем. Я двигаюсь дальше. Пришло время и тебе последовать моему примеру.

Губы Элизабет слегка приоткрылись, но она подавила в себе возглас. Он застрял в ее груди и теперь жег точно раскаленным железом.

С этими словами Том развернулся и пошел прочь. На этот раз Элизабет его отпустила.

Элизабет повторяла себе, что Томми – Том (и как ей к этому привыкнуть?) – говорил не всерьез. Он не мог желать вычеркнуть ее из своей жизни навсегда. Они преодолеют разногласия. Должны преодолеть.

Время... Вот что ему нужно. Элизабет поклялась дать ему передышку, прежде чем снова вызвать на разговор.

Однако очень скоро она пожалела о своем решении.

Уже спустя час она смотрела в глаза собственному брату.

– То есть как это – никаких следов Арчи? Должно же быть хоть что-то? Не мог же он просто исчезнуть? – Джейми вел себя слишком тихо. А его лицо не выражало никаких эмоций. – Что случилось? Что ты от меня скрываешь?

– Ничего, – ответил Джейми.

Глаза Элизабет наполнились слезами.

– Скажи мне, Джейми. Я знаю, ты пытаешься что-то утаить.

Мужчина покачал головой, вздохнул и провел рукой по волосам.

– Я ничего не скрываю. Но ты права. После Селкирка мы не обнаружили никаких следов Арчи. Обычно он не настолько осторожен. И это меня беспокоит.

Джейми словно прочитал мысли сестры.

– Может, тебе стоит воспользоваться услугами другого следопыта?

Губы Джейми изогнулись в невеселой полуулыбке.

– Я взял с собой лучшего. Поверь, если уж Ламонт не смог обнаружить следов, то никому другому это точно не удастся.

– И что нам теперь делать? – Элизабет начала расхаживать перед братом. – Не можем же мы просто сидеть сложа руки.

– Не можем. Я послал несколько человек в Блэкхаус на случай, если Арчи туда вернется. Ламонт и Маклин по-прежнему пытаются найти хоть какие-то следы. Еще пара моих друзей отправились в Эдинбург за человеком, который поможет добыть чуть больше информации.

– За Лахланом Макруайри?

– Черт возьми, Элла, как часто ты подслушивала мои разговоры?

Девушка сочла благоразумным не отвечать на этот вопрос.

– Это не такой уж секрет. Макруайри признали «призраком» Брюса несколько лет назад. Но Джейми было не так-то легко обмануть.

– Ну да, может быть, это и правда. Но не все знают, с какой целью я мог за ним послать.

– Значит, ты все же сделал это?

Джейми покачал головой.

– Ты неисправима. Мне даже немного жаль Рэндольфа. – Однако его лукавая улыбка говорила об обратном.

– Когда ты узнаешь больше?

– Надеюсь, к завтрашнему дню. – Почувствовав настроение сестры, Джейми заключил ее в объятия и ласково прижал к себе. – Я знаю, это трудно, но постарайся не переживать так сильно, малышка. Насколько нам известно, Арчи решил вернуться домой, но, скорее всего, сбился с пути.

Однако никто в это не верил. Что-то здесь было не так, и оба это понимали. Но Джейми прав. Что проку представлять все ужасы, которые могли произойти с Арчи. Просто необходимо ждать, пока «друзья» Джейми вернутся с информацией.

А до тех пор... Элизабет едва удержалась от желания побежать к Томми... *Тому.*

Это действительно оказалось непросто. Следующие двадцать четыре часа показались Элизабет самыми долгими в жизни. Особенно после того, как вернувшиеся из Блэкхауса на следующее утро Маккей и Сазерленд сообщили о том, что Арчи там нет. Теперь ждали Лахлана Макруайри. И только когда колокола на часовне прозвонили к вечерне, он въехал в ворота замка в сопровождении других «призраков».

Они выглядели так, словно провели в седле много часов, а угрюмые выражения их лиц говорили о том, что новости неутешительные.

Мужчины сразу же удалились в покои Джейми – в то же помещение, где с ним вчера встретила Элизабет. Джейми поставил у дверей охрану, но накануне девушка успела заметить, что в комнате имеется камин с дымоходом, поднимающимся в помещение этажом выше. До того, как замок был взят, это помещение занимал один из благородных английских господ или благородная дама, но сейчас, к счастью для Элизабет, оно пустовало. Девушка не собиралась ждать, пока Джейми преподнесет ей сжатую и исправленную версию того, что услышал от вновь прибывших. В трубе было дымно, когда Элизабет сунула туда голову, однако благодаря отсутствию шума в столь поздний час она смогла услышать почти всю беседу.

Хотя лучше бы она ее не слышала.

В среду утром после того, как стало известно о нападении на Роксбург, английский патруль с гербами Бомонта на доспехах окружили людей, подозреваемых в мятеже, возле Селкирка и Джедбурга.

Сердце Элизабет упало, когда она услышала слова человека, которого приняла за Макруайри.

Донеслось грязное ругательство, коего она еще ни разу от брата не слышала.

– Был ли Арчи среди них?

Второй мужчина заговорил:

– Нельзя сказать с уверенностью, но весьма вероятно. Время совпадает. К тому же след парня оборвался недалеко от того места, где видели патруль.

– Они наверняка отвезли его в Джедбург, – произнес Джейми. – Это один из замков в округе, который нам не удалось захватить.

– Да, – согласился мужчина, которого Элизабет идентифицировала как Макруайри. – Мы тоже пришли к такому заключению. Но есть еще кое-что.

Элизабет постаралась прислушаться, вцепившись в скамью, на которой сидела, с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Ее охватило недоброе предчувствие. Она подозревала, что услышит нечто очень плохое.

Предчувствие ее не обмануло.

Макруайри рассказал, что утром ему удалось пробраться в замок в толпе торговцев и крестьян. Однако он не заметил никаких следов заключенных. Не раздобыв информации, он был вынужден отправиться к своей осведомительнице в замке Карлайл.

Элизабет удивил не факт имеющегося шпиона в рядах англичан, а то, что это была женщина.

– Ей удалось выяснить, что захваченных людей отвезли в замок Бамбург, в Нортумберленде.

– В Нортумберленде? – переспросил Джейми. – Проклятье, зачем увозить их так далеко? Они знают, кто он такой? Знают, что схватили Дугласа?

– Она так не думает. Полагает, что это просто мера предосторожности. Теперь, когда ваши люди в Роксбурге, англичане просто не захотели рисковать, зная, что поблизости Джедбург.

Элизабет почувствовала, как кровь отлила от лица. Ребенком она однажды побывала в замке Бамбург – тогда ее отец служил хранителем замка Берик, – и вот теперь мысль о том, куда увезли ее брата, наполнила сердце Элизабет ужасом и отчаянием. Ей не нужно было слушать, как мужчины внизу обсуждают трудности спасения пленников, поскольку она прекрасно понимала, о чем идет речь. Расположение замка Бамбург на отвесном скалистом утесе превратило его в идеальное место для тюрьмы, подступиться к которой не представлялось возможным.

Но ведь это «призраки». И если кто-то и мог совершить невозможное, то только они.

– Можем попытаться спасти твоего брата, – произнес Макруайри. – Но мы никогда не делали подобного. Без длительной осады нам остается лишь одно: взобраться по скале. Только это совсем не то, что карабкаться по тридцатифунтовой крепостной стене с помощью крючьев и веревочных лестниц. Нам предстоит преодолеть сто пятьдесят футов отвесной базальтовой поверхности без всякой страховки. Успех абсолютно не гарантирован, и мы можем лишь усугубить ситуацию.

Джейми озвучил вопрос, вертящийся у Элизабет на языке.

– Что может быть хуже? Хорошо еще, черт возьми, что он не оказался в Тауэре.

– Попытка освободить пленников может насторожить англичан, и они поймут, что захватили важную птицу. Если начнут допрашивать вашего брата, сколько времени им потребуется, чтобы установить его личность? И когда это случится...

Ему не нужно было заканчивать фразу. Все понимали, что случится после этого. Если англичане узнают, что к ним в руки попал брат одного из самых ненавистных людей Англии, человека, обвиняемого в бесчисленных «черных» деяниях, именуемого Дьяволом, они повесят Арчи на ближайшей виселице. А может, сотворят что-то похуже.

Но что, если они уже узнали, кто он такой? Если пленников уже допросили? И подвергли пыткам? Сколько тогда времени есть у Арчи? Ему всего шестнадцать лет!

Мужчины расхаживали по комнате, но Элизабет знала, что тянуть нельзя. Им придется рискнуть. Особенно если есть тот, кто сможет им помочь. Элизабет поняла это, едва только Макруайри упомянул об отвесной скале. И Джейми тоже поймет.

Девушка ждала ответа брата, но тот молчал, и она поняла, что пора действовать.

Элизабет не позволила охраняющему дверь человеку себя остановить и, не обращая внимания на его протесты, ворвалась в покои Джейми.

– Ты знаешь, кто сможет помочь. Ты должен его попросить.

Охранник заговорил одновременно с ней.

– Простите, милорд. Я пытался ее остановить.

– Не слишком успешно, судя по всему, – произнес Джейми, обращаясь к охраннику. Затем, уловив едва слышный запах дыма, прищурился и посмотрел в сторону камина, а затем на Элизабет. – Я поговорю с тобой позже, Элизабет. Сейчас не время.

Однако спокойный тихий голос брата не мог ее обмануть. Элизабет знала, что он очень злился на нее за подслушивание разговора, и не осуждала его, но дело было слишком серьезным.

– Но ведь Том может помочь.

– Нет, не может. Он не имеет к этому никакого отношения.

– Но...

– Никаких «но», черт возьми! Мы не нуждаемся в его помощи. Лазанье по деревьям и холмам вокруг Дугласа не идет ни в какое сравнение с попыткой проникнуть в один из самых неприступных замков Англии. Макгован воюет всего три года. Он не создан для таких вылазок. Это не обычная миссия. Его неопытность лишь усложнит нам задачу и подвергнет остальных людей опасности.

Джейми становился слеп, когда речь заходила о Томе. Элизабет знала: ее брат слишком горд, чтобы просить Тома о чем-либо после их ссоры. Она попыталась возразить, но Джейми ее оборвал.

– Это делается в тайне. И важно, чтобы так и оставалось дальше. На карту поставлено многое, в том числе и жизнь Арчи. Ты понимаешь?

Элизабет кивнула. Внезапно осознав, что взоры присутствующих устремлены на них, она развернулась, чтобы уйти. Девушка не собиралась сдаваться, просто знала своего брата достаточно хорошо и понимала, что подобным образом его не уговорить.

Однако и он знал ее слишком хорошо. Джейми проследовал за сестрой до двери и произнес очень тихо, чтобы не услышали остальные:

– Держись от него подальше, Элла. Я говорю серьезно. Не хочу видеть тебя рядом с Макгованом. Иначе с первыми лучами солнца отправишься назад в Блэкхаус, а ему придется сражаться со мной на мечях.

После такой угрозы Элизабет с полминуты медлила. Она не сомневалась, что Джейми так и поступит. Но она с радостью вернется в Блэкхаус, если это поспособствует спасению Арчи. И несмотря на то что Джейми вел себя нелогично, когда речь заходила о Томми, он наверняка не убьет его лишь за разговор с ней. К тому же Элизабет была уверена, что сможет предотвратить драку, если та вдруг назреет. Ведь ей уже не раз приходилось выступать в роли миротворца.

И слова Джейми о неопытности Томми неважны – Элизабет не подвергала сомнению тот факт, что он сможет забраться куда угодно. Сколько раз она наблюдала, когда они еще

были детьми, за тем, как Томми карабкается по скалам? Не говоря уже о крепостных стенах. Элизабет была уверена в том, что его помощь очень пригодится «призракам», а также – что он согласится это сделать.

Глава 6

Черт побери, как же холодно. Шерстяная шапка с мягкой подкладкой, надетая на голову Тома под стальной шлем, совсем не защищала от морозного шотландского ветра. Черт, если уж на то пошло, она не защищала и от летнего шотландского ветра, который мог быть таким же пронизывающим, как и в зимнее время года. Уши Тома заледенели.

И почему, скажите на милость, он не прихватил запасной плед? И вот теперь он мерил шагами крепостной вал не только для того, чтобы держать в поле зрения утопающие в темноте окрестности, но и для того, чтобы хоть немного согреться.

Ночные дежурства стали для Тома особым видом мучений. Время тянулось бесконечно долго, а он пытался не заснуть и не замерзнуть насмерть. В такие моменты начнешь тосковать по молоту и наковальне! Ночное дежурство он получил в «награду» за спасение принцессы. Из-за проклятого плеча Том лишился способности рушить стены, поэтому его временно перевели в дозор. Но через день или два, когда из Эдинбурга прибудет подкрепление, Каррик обещал предоставить ему отпуск, чтобы Том смог вернуться в замок Ратерфорд к леди Марджори.

Сосредоточившись на происходящем за крепостными стенами, Том не обратил внимания на шаги на лестнице, ведущей вверх из помещения для караульных. Он предположил, что это дежурный офицер. Только он был не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.